

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ
и
Искусство“.

Съ доставк. и перес. на
годъ 7 р., на полг. 4 р.

Отд. №№ продаются по
20 к. Объявл.—30 к. со
стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1902 г. VI годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 10 Ноября.

СОДЕРЖАНИЕ: О благотворительности. — Опереточная вакханалія. — Народъ и народный театр. III. С. Сутушина. — Лекціи о театрѣ. А. Ростиславова. — Хроника театра и искусства. — Изъ Москвы. II. Э-са. — Театральныя замѣтки. А. К-мл. — Совѣты. — За границей. — Провинциальная лѣтопись. — Объявленія.

Рисунки: «Мѣщане» (2 рис.), «Виндзорскія кумушки» въ моск. Новомъ театрѣ, «Сам-

№ 46.

сонъ и Далила», «Дмитрій Самозванецъ» (3 рис. А. Ростиславова), «Царь Дмитрій Самозванецъ и царевна Ксенія» (2 рис. М. Юсффе и Шафрана), И. И. Монаховъ въ гробу. — «Безъ солнца» (2 рис.)

Портреты: † А. Д. Кочетовой-Александровой, И. И. Монахова.

Приложеніе: «Побѣда». Эпизодъ въ 5-ти картинахъ Ва. О. Трасстенберга.

Продолжается ПОЛУГОДОВАЯ (съ 1 июля) подписка
НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“
(шестой годъ изданія).

Подписная цѣна — 4 руб.

Съ 1 января 1902 г. по конецъ года — 7 р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1903 ГОДЪ
НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“

(VII годъ изданія).

52 №№ журнала.

24 книги „Библиотеки“, въ которыхъ будетъ помѣщено около
30 новыхъ пьесъ.

* Книжки (брошюрованные, въ обложкѣ) будутъ выходить около 1 и 15 числа каждого мѣсяца.

2—3 выпуска „Словаря сценическихъ дѣятелей“.

12 нотныхъ приложеній.

Подписная цѣна 7 р. годъ. 4 р. полгода.

* Разсрочка допускается на слѣдующихъ основаніяхъ:
3 р. при подпискѣ и по 2 р. 1 апрѣля и 1 июня.

* Книжные магазины могутъ удерживать 5 к. съ рубля въ свою пользу. Подписка въ разсрочку черезъ книжные магазины не принимается.

Адресъ главной конторы:

С.-Петербургъ, Моховая, 45.

Къ № 47 будетъ приложена книга „Библиотеки“.

С.-Петербургъ, 10 Ноября 1902 г.

Какого основанія должно держаться при распределеніи пособій, ссудъ и зачисленіи въ пансіонеры благотворительныхъ учрежденій? Вопросъ этотъ въ послѣднее время былъ дважды поставленъ нашими читателями по поводу двухъ случаевъ опредѣленія въ Убѣжище для сценическихъ дѣятелей и дѣтскій пріютъ не тѣхъ кандидатовъ, которыхъ хотѣлось опредѣлить заинтересованнымъ лицами.

Въ первомъ случаѣ одна артистка жалуется на то, что хотя она и была записана кандидаткой, но опредѣлили другую, заявившую о своемъ желаніи позднѣе. Во второмъ случаѣ, въ дѣтскій пріютъ, располагающій, какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, крайне ограниченнымъ числомъ вакансій, были помѣщены сироты артиста, хотя притязали на вакансіи сироты опернаго хориста.

Съ подробностями перваго случая мы имѣли возможность ознакомиться. Несомнѣнно, что кандидатка зачисленная въ Убѣжище, позднѣе заявила о своихъ правахъ, нежели незачисленная. По римскому праву—qui prior est tempore, potior est jure, т. е. кому принадлежитъ первенство времени, тому соотвѣтствуетъ и первенство правъ. Но съ другой стороны, когда предстоитъ дилемма: кого изъ двухъ, равно нуждающихся, призрѣть—извѣстную, заслуженную артистку, или малоизвѣстную, съ сомнительнымъ профессиональнымъ цензомъ, то естественны колебанія въ другую сторону. „Классовое сознаніе“ профессиональныхъ дѣятелей не можетъ съ одинаковымъ чувствомъ взирать на испытаннаго труженика, остающагося безъ средствъ, или на малопопулярнаго дѣятеля, о которомъ извѣстно лишь небольшому кругу. Мало ли умираетъ въ больницахъ актеровъ! Но когда умиралъ Ивановъ-Козельскій, весь театральный міръ слѣдилъ за его медленнымъ умираніемъ. Такимъ

образомъ, „ариѳметическое“ основаніе: кто раньше подалъ прошеніе—можетъ удовлетворить не столько чувство справедливости, сколько сознаніе ариѳметическаго же равенства. Необходима поправка,—соотвѣтствующая, въ извѣстной мѣрѣ, понятію ценза. Такой поправкой слѣдуетъ считать число лѣтъ пребыванія на сценѣ, въ качествѣ профессиональнаго дѣятеля. Ростъ Убѣжища и другихъ благотворительныхъ учрежденій Театральнаго Общества будетъ все чаще и чаще ставить такіе вопросы Совѣту, и мы думаемъ, что, во избѣжаніе какихъ-либо нареканій, слѣдовало бы установить, насколько это не мѣшаетъ живой дѣятельности Совѣта, общія правила для свѣдѣнія всѣхъ и руководства Совѣта.

Второй случай еще характернѣе. По уставу Театральнаго Общества, „хористъ“ есть также „сценический дѣятель“, но вполне естественно было отдать предпочтеніе дѣтямъ артиста, оставшимся безъ призора. Тѣмъ не менѣе, формально правы и оставшіяся временно за штатомъ обездоленные дѣти хориста. И тутъ слѣдовало бы принципиально установить преимущество права однихъ предъ другими, при равныхъ общихъ условіяхъ. Нѣтъ ни одного благотворительнаго учрежденія, которое не принимало бы въ соображеніе заслуги просителя. Будемъ говорить не о заслугахъ. Выразимся—„цензъ“. Онъ существуетъ, онъ не можетъ не существовать. Только тѣ учрежденія, которыя построены на началахъ эмеритуры и взаимопомощи могутъ обходиться безъ всякаго соображенія съ цензомъ.

Неравенство, быть можетъ, оскорбляетъ. Не будемъ спорить. Но тогда слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы не было неравенства и въ способахъ образованія средствъ благотворительности. Только съ того момента, какъ будутъ установлены единообразные или процентные вычеты изъ жалованья сценическихъ дѣятелей—вопросъ, давно назрѣвшій—явится возможность требовать равенства и строгой очереди. Тогда и средства явятся для удовлетворенія очереди, безъ нарушенія вопіющей нужды лицъ, заслужившихъ и пострадавшихъ своимъ профессиональнымъ служеніемъ право на призрачье и помощь...

Отъ оперной „mania grandiosa“, которую страдаютъ московскія оперныя „душки“—неособенно рѣзкій переходъ къ опереточной вакханаліи. Капризные „искусства“, которыя никакъ не укладываются въ рамки дисциплины и порядка. Вотъ, напр., нѣсколько фактовъ, заимствуемыхъ нами изъ московскихъ газетъ. Г-жа Раисова подписала контрактъ въ театръ „Декадансъ“, а пѣла въ Интернаціональномъ театрѣ, потому что г. Костомаровъ согласился платить за нее неустойку. Г. Костомаровъ прогорѣлъ, а у г-жи Раисовой, пока судъ да дѣло, описали за неустойку все имущество. Г. Брянскій сначала подписалъ въ Интернаціональный театръ, потомъ его перетянули въ „Декадансъ“. Г-жа Раисова получала въ Интернаціональномъ театрѣ 1100 руб. въ мѣсяцъ, г. Брянскій за режиссерство получаетъ 1000 руб.; г-жа Вяльцева получаетъ по 700 руб. за выходъ и за ней бѣгаетъ и антрепренеръ „Декадана“, и г. Шульцъ, и всѣ наперерывъ предлагаютъ тысячные авансы. Г-жа Тамара получала у г. Костомарова 800 р. въ мѣсяцъ, затѣмъ Омонъ предложилъ ей перейти къ нему съ жалованьемъ 1300 руб. въ мѣсяцъ, причѣмъ съ бенефиса она получаетъ половину валового сбора. Въ Интернаціональный театръ приглашаютъ комика Полонскаго съ жалованьемъ въ 1100 руб., а театръ „Декадансъ“ ведетъ переговоры съ г. Рутковскимъ, которому предлагаютъ авансъ.

Повидимому, опереточные артисты котируются, какъ бумага на биржѣ. На нихъ спекулируютъ, и какъ

всегда въ подобныхъ случаяхъ, спекуляціи носятъ вполне случайный характеръ. Лишь бы пригласить популярнаго актера или извѣстную актрису, сколько бы это ни стоило. Окупить актеръ себя—хорошо, а не окупить—можно и дѣло бросить. Въ результатѣ, разумѣется, въ большинствѣ случаевъ крахи, вродѣ краха оперетки Костомарова, которые разоряютъ и предпринимателей, и самихъ актеровъ. Затѣмъ начинается быстрое „уравниваніе цѣнъ“. Повышаетъ гонораръ предприниматель, хотя бы такой, которому терять нечего,—поневоля должны дѣлать и другіе, которымъ есть что терять. „Баронъ фонъ-Габенихтъ“ разоряетъ солидное дѣло. Расходы по содержанию театра возрастаютъ не пропорціонально росту театральной публики. Приходится неизменно повышать цѣны на мѣста и пр. и пр.

Эта, ничѣмъ не обоснованная, игра на повышение актерскихъ гонораровъ несомнѣнно разразится серьезнымъ кризисомъ, который уже чувствуется. Крахъ г. Костомарова—хорошій урокъ для зарвавшихся актеровъ.

Кіевская дума обсуждала интересный вопросъ о предоставленіи бесплатнаго мѣста въ городскомъ театрѣ надзирателямъ среднихъ учебныхъ заведеній. Большинствомъ голосовъ предложеніе было отклонено. Въ виду того, что подобныя ходатайства въ нынѣшнемъ сезонѣ возникли почти повсюду, рѣшеніе кіевской думы не лишено принципиальнаго значенія. Притязанія педагогическаго начальства на бесплатныя мѣста, не предусмотрѣнныя ни въ законѣ, ни административной практикой, очевидно, не имѣютъ достаточнаго основанія, и если можно ожидать уступчивости антрепренеровъ, то едва ли можно рассчитывать на любезное содѣйствіе думъ и иныхъ общественныхъ установленій, являющихся собственниками театровъ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что надзоръ педагогическихъ учрежденій за воспитанниками никоимъ родомъ не долженъ ложиться расходомъ на театральное предпріятіе, но составляетъ естественную заботу самихъ учрежденій.

Народъ и народный театръ.

III.

Отбрось же часть нечистую
подалше
И съ частью чистой въ чистотѣ
живи!..

(„Гамлетъ“, сцена съ матерью).

Учрежденія Попечительства о народной трезвости которыя мнѣ приходилось видѣть (петербургскія) прежде всего поражаютъ чистотой, и не обыкновенной чистотой, о какой говорятъ: «да, чисто», а чистотой блестящей, изысканной—тамъ дышетъ чистотой, вѣетъ чистотой.

Впечатлѣніе такое: хотятъ чистотой воспитывать народъ.

По закону контраста, въ вспоминаете Акима изъ «Власти тьмы» и родъ его дѣятельности—чистку выгребныхъ ямъ. Вознеся Акима на очень большую нравственную высоту, Толстой какъ будто хочетъ сказать: «внѣшняя чистота не имѣетъ никакого значенія». А Попечительство ею хочетъ воспитывать народъ. Кто правъ?

«Матрена. Ну ужъ работа! Ямы чистить. Приѣхалъ наемли, такъ блевала, блевала, тьфу!

Акимъ. Это точно, съ первоначала оно ровно и тае, шибаетъ, значитъ, духъ-то, а обыкнешь—ничего все одно, что барда и значитъ, тае, сходно... А что духъ, значитъ, тае... Это нашему брату обижаться нельзя.»

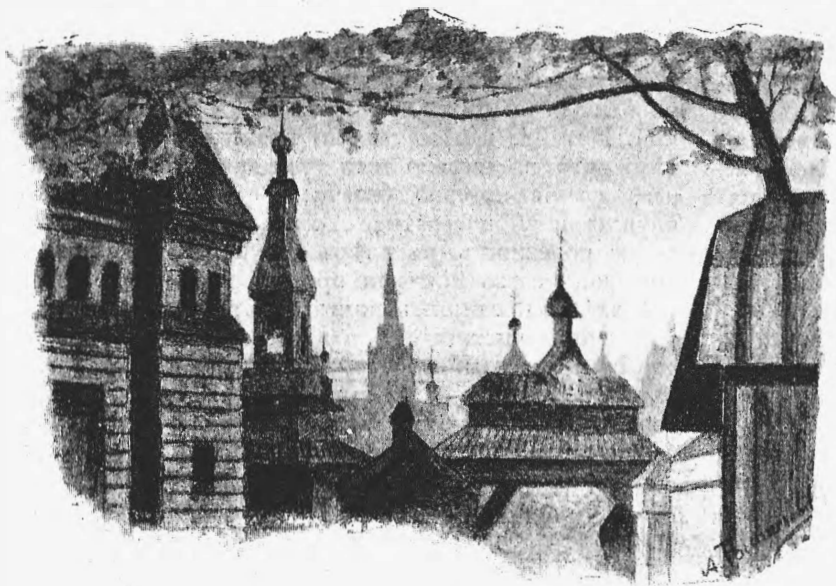
(«Власть тьмы», Дѣйств. I, явл. XI).

Акимъ. (Вздыхаетъ) «Да ужъ, видно, время, тае, подходитъ. Тоже, значитъ, сортиры, тае, посмотрѣлъ я въ городу. Какъ дошли, то есть. Выглажено, выглажено, значитъ, нарядно, какъ трактиръ и издѣлано.»

(«Власть тьмы», Дѣйств. III, явл. V).

Акимъ будто побывалъ въ учрежденіяхъ Попечительства и какъ видите очень недоволенъ этой

— АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ТЕАТРЪ. —

«Дмитрій Самозванецъ и Василий Шуйскій».
Декорация Китай-города.

самой чистотой. Сдѣлавъ одному изъ помѣщеній вышеприведенную характеристику, «какъ трактиръ и издѣлано», онъ продолжаетъ: «А ни къ чему, все ни къ чему. Охъ, Бога забыли. Забыли... значить. Забыли, забыли мы Бога-то, Бога-то».

Почему чистое помѣщеніе служить,—по Акиму—доказательствомъ того, что «Бога забыли»?

Въ томъ, что «оно» — нарядно «какъ трактиръ» Акимъ видитъ «кривье» потому, что, дабы сдѣлать «его» «наряднымъ», надо «выгладить, выгладить», то есть, положить много труда, а, по Акиму, класть для чистоты трудъ—«ни къ чему, все ни къ чему». Потому, вѣроятно, что чистота въ его глазахъ людямъ излишня, Богу она тоже не нужна и, слѣдовательно,—разсуждаетъ Акимъ—оно, какъ непотребное есть баловство; по ассоціаціи идей онъ сравниваетъ его съ другимъ непотребствомъ—«какъ трактиръ».

Не случайно, конечно, Толстой заставилъ Акима—нравственный элементъ пьесы—чистить выгребныя ямы, какъ не случайно, сдѣлалъ онъ его «дуракомъ» съ «умомъ расхожимъ» и «только и рѣчей отъ орла отъ моего—тае, тае, а что тае и самъ не знаешь». («Власть тьмы», слова Матрены). Постановкой и отношеніемъ къ Акиму авторъ будто говоритъ: не въ бойкости ума дѣло, а въ стремленіи къ правдѣ, въ желаніи жить по волѣ Бога, въ томъ, чтобы помнить Бога. Говоритъ это авторъ тѣмъ, что глупый Акимъ оказывается *правѣ* всѣхъ; умъ принижается на счетъ внутренняго нравственнаго чутья.

Не во внѣшней чистотѣ, и не въ пріятности ощущеній дѣло—«говорится» далѣе, а въ спокойствіи, вытекающемъ изъ покорности: когда есть покорность, то понимаешь, что «нашему брату *обижаться* нельзя», обижаться на духъ, отъ котораго «съ первоначала оно ровно и тае, шибаетъ», но потомъ,—т. е. когда не обидишься и «обыкнешь», то и «ничего все одно что барда и, значить, тае, сходно»...

Когда вамъ говорятъ, что лучше запачкаться снаружи, чѣмъ съизнутри, то вы противъ этого не станете спорить. Ясно. Конечно, снаружи все легче вымыть, чѣмъ внутри. Но, когда васъ стараются увѣрить, что для того, чтобы сохранить предметъ чистымъ внутри—надо, полезно или хорошо запач-

кать его снаружи, то вы не удомѣваете. А почти именно это утверждается Акимомъ. Ибо, если бы простой народъ на Руси всѣ свои заботы отдавалъ бы внѣшней чистотѣ, то тогда было-бы понятно, зачѣмъ ему говорятъ: не во внѣшней чистотѣ вся суть. Но, когда дѣло, къ сожалѣнію, обстоитъ какъ разъ наоборотъ, когда отъ недостатка чистоты, отъ недостатка привычки и *любви къ чистотѣ*, а потому и невозможности осуществить примитивнѣйшія требованія гигиены умираютъ изъ года въ годъ миллионы дѣтей и взрослыхъ отъ тифа, дифтерита и проч.—какой практической резонъ имѣетъ проповѣдь «не въ чистотѣ вся суть»? Какъ теорію эту проповѣдь можно формулировать такъ развѣ: если хочешь быть чистымъ внутри, т. е. душевно—необращай вниманія на чистоту наружную, т. е. физическую.

Но это неправда. Возьмемъ примѣромъ физическую чистоту, чистоту тѣла человѣческаго.

На этомъ примѣрѣ окажется, что наружная чистота вовсе ужъ не такъ мало важна: чистота кожи, рукъ. Окажется, пожалуй, что на первый планъ надо поставить наружную чистоту, ибо и а р у ж н о е раньше входитъ въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ: руки, пища. И весь физическій міръ можно разсматривать въ извѣстномъ смыслѣ, какъ внѣшнее по отношенію къ міру душевному.

Употреблю фигуру «сравненія», хотя сравненія грѣшатъ, обыкновенно, тѣмъ, что они подходятъ только отчасти, т. е. однимъ бокомъ. И такъ: что для физическаго благополучія желу-

докъ, то для духовнаго—сердце. Для желудка же важно не только то, чтобы пища была здоровая, но чтобы она была и чистая. Точно также для источника душевнаго благосостоянія—сердца—существенно необходимо не только одно то, чтобы пищей ему служили здоровые, «благіе» элементы жизни, но и то, чтобы они были чистые. А потому—важна и чистота внѣшняго міра, того, что окружаетъ человѣка. Или иначе: внѣшняя, физическая чистота. Чистота въ физическомъ мірѣ не только стоитъ на первой очереди: она можетъ быть на-

«Дмитрій Самозванецъ и Василий Шуйскій».

Дьякъ Щелкаловъ (г. Медвѣдевъ) читаетъ постановленіе.

Рис. А. Ростиславова.

звана физической нравственностью. Ибо она стоит на верхней ступени физических законовъ. Она имѣетъ всѣ характерные признаки несомнѣнной нравственности: элементы поэзіи, свойство служить свѣточемъ, путь указующимъ.

Темный духъ аскетизма, усмотрѣвъ въ томъ, что онъ называлъ порокомъ — присутствіе элементовъ красоты и поэзіи, когда-то, во времена очень далекия, смѣшалъ эти понятія и кончилъ тѣмъ, что сталъ относиться враждебно къ поэзіи и красотѣ вообще. Этотъ самый аскетическій духъ толкаетъ теперь на смѣшеніе съ порокомъ, а потомъ и на отождествленіе съ нимъ чистоты.

По библейской терминологіи—физическая нечистота — одинакова какъ нравственная—называется «нечистью передъ Богомъ».

Думаю—никто не станетъ оспаривать наблюдательности и знанія М. Горькимъ той среды, откуда онъ обыкновенно беретъ свои персонажи—босяковъ, подонковъ общества, тѣхъ, которые находятся «на днѣ», на самомъ днѣ. Герои эти по социальному своему положенію много ниже даже Акима, который, вѣдь, только случайно и временно занятъ чистой выгребныхъ ямъ, будучи обыкновенно «землероемъ», какъ презрительно-ненавистно называютъ крестьянъ герои Горькаго.

И вотъ оказывается, что эти-то подонки, эти послѣдніе изъ послѣднихъ, всѣмъ сердцемъ, мучительно, всей душой стремятся къ чистотѣ, къ «чистой жизни». Стремленіе къ «чистой жизни» мелькомъ проглядывало и у босяковъ прежнихъ рассказовъ Горькаго. Въ «Трое» оно красной нитью проходитъ черезъ все повѣствованіе.

«Его (Ильи Лунева — главнаго героя «Трое») мечты принимали тоже простые и ясныя формы: онъ представлялъ себя черезъ нѣсколько лѣтъ хозяиномъ маленькой, *чистенькой* лавочки, а въ лавкѣ у него — легкой и *чистый* галантерейный товаръ, который не пачкаетъ и не портитъ одежды. И самъ онъ тоже *чистый*, здоровый и красивый. Всѣ въ улицѣ уважаютъ его, а дѣвушки смотрятъ ласковыми глазами. Вечеромъ, закрывъ лавку, онъ сидитъ въ *чистой* и свѣтлой комнатѣ рядомъ съ ней, пьетъ чай и читаетъ книжку. *Чистота во всемъ казалась ему необходимою, почти главнымъ условіемъ порядочной жизни.*» («Трое», стр. 94—95, Рассказы М. Горькаго, т. V).

Сначала страстное желаніе, предметъ фантастической мечты, эта потребность въ физической чистотѣ, въ чистотѣ окружающаго міра нарастая и не находя удовлетворенія, становится источникомъ мстительной зависти, переходитъ въ манію, приведшую Илью къ преступленію.

Грязный, темный, сырой, промозглый, осклизлый, вонючій и душный подвалъ, гдѣ Луневъ мечталъ о «чистой жизни», когда оттуда сразу въ «чистоту» выйдешь — не мудрено свихнуться, обезумѣть, что съ Ильей и случилось.

Желаніе чистой жизни приводитъ къ преступленію—не правъ-ли ужъ Акимъ со своимъ недружелюбемъ къ чистотѣ, какъ къ признаку или причинѣ порока, а отъ него и преступленія?

Но въ наивныхъ, старинныхъ повѣстьяхъ намъ часто говорятъ о подобномъ же явленіи.

«Онъ вышелъ на улицу изъ душевной комнаты и свѣжій морозный воздухъ опьянилъ его, какъ вино».

И какъ отсюда мы не дѣлаемъ заключенія, что слѣдовательно не надо выходить изъ душевной комнаты, такъ и изъ того факта, что Илья отъ чистоты «свихнулся» — нельзя вывести рѣшенія, что Луневымъ слѣдуетъ оставаться въ грязномъ подвалѣ. А развѣ лишь то, что подвалъ надо провѣтривать, про-

сушивать, дать проникнуть туда лучамъ солнца и обитателей его приучать къ свѣжему воздуху — къ чистотѣ. Кормить ихъ ею.

Рѣчь тутъ идетъ о физической чистотѣ. Она должна идти впереди душевной или рядомъ съ ней, но отнюдь не быть презираемой и не пренебрегаемой. Питайте народъ только нравственностью, т. е. тѣмъ, что по мнѣнію того или другого нравственнаго ученія полезно (значить — *выгодно*) для ихъ «души» и вы превратите самую нравственность въ сухую полезность, въ хлѣбъ насущный, безъ косяго, конечно, нельзя жить, но про который сказано тоже «не хлѣбомъ единымъ живъ будетъ человѣкъ».

Внѣшняя чистота есть также и «первая ступень» поэзіи и красоты, простой (*чистой*) человѣческой радости, безъ коей, по выраженію Дмитрія Карамзова, «нельзя человѣку жить, а міру стоять и быть».

Думается по всему этому, что внѣшняя чистота необходимо должна сопутствовать всему, чѣмъ въ той или другой формѣ хотятъ благотворно воздѣйствовать на народъ.

Въ народномъ театрѣ она должна быть пропагандируема двумя способами: непосредственно тѣмъ, что въ помѣщеніи театра — повсюду, куда только можетъ проникнуть глазъ посетителя, соблюдается образцовая, изысканная чистота, а затѣмъ ее слѣдуетъ «проповѣдовать» въ ненавязчивой формѣ сцены, т. е. стараться вызывать—у многихъ дремлющую—любовь къ ней.

С. Сутугинъ.

Лекціи о театрѣ.

Въ субботу, 2 ноября, въ помѣщеніи Общества Поощренія Художествъ состоялась лекція г. Озаровскаго «Художественныя условія театральныхъ постановокъ». Г. Озаровскій касался главнымъ образомъ матеріальной стороны театральныхъ постановокъ, значенія въ нихъ пластическихъ искусствъ; отводя этимъ искусствамъ третъестепенную роль въ театральномъ дѣлѣ, онъ тѣмъ не менѣ настаивалъ на ихъ крупномъ значеніи, даже лирическомъ и психологическомъ, предлагалъ разныя мѣры для ихъ поднятія, нѣсколько отзывавшіяся аккуратнымъ педантизмомъ, призывалъ художниковъ на помощь актерамъ и, конечно, неминуемо кончилъ театромъ Станиславскаго, который восхвалялъ до небесъ въ смыслѣ общаго вѣрнаго тона и художественныхъ постановокъ. Затѣмъ г. Арабажинъ старался выяснитъ, весьма впрочемъ не ново и не оригинально, значеніе театра «Чехова и Станиславскаго», какъ театра современнаго, гдѣ нѣтъ героевъ, а героемъ являлась «сама жизнь», гдѣ поэтому и роль актеровъ иная, чѣмъ прежде; а затѣмъ послѣдовала какъ бы вторая короткая, но горячая, повидимому импровизированная, лекція г. Мережковскаго на гораздо уже болѣе широкую тему о значеніи театра, о томъ, чѣмъ онъ долженъ быть, о современномъ театрѣ. Послѣ скромныхъ и вѣроятно удобоисполнимыхъ пожеланій г. Озаровскаго, чтобы художники шли объ руку съ актерами, чтобы при театрахъ были настоящіе художники, завѣдующіе декорациями, обстановкой, гримомъ и костюмами, чтобы при театральныхъ училищахъ были даже учреждены спеціальныя классы по гримировкѣ и костюмированію, г. Мережковскій совершенно отвергъ значеніе и необходимость тщательныхъ художественныхъ постановокъ, похвалъ даже «къ чорту» декораторовъ, костюмеровъ, гримеровъ и др. Оказавается, что современный театръ прогналъ до основанія, что станиславскій вреднѣ Виктора Крылова, ибо, чаруя толпу «художественностью, онъ доводитъ реализмъ до крайнихъ предѣловъ, что онъ и Чеховъ упираются въ стѣну, что дальше идти некуда, дальше слѣдуютъ сумасшествіе и самоубійство, что потому театръ ихъ производитъ только гнетущее, грустное впечатлѣніе; въ такомъ искусствѣ нѣтъ идеала, нѣтъ Бога, нѣтъ того высшаго начала, безъ котораго невозможно истинное искусство. Театръ долженъ быть видѣніемъ, откровеніемъ, зрѣлищемъ не только эгоистическимъ, но религиознымъ, какимъ онъ былъ у древнихъ грековъ; въ немъ должна быть простота, въ немъ должно сливаться, объединяться творчество исполнителей и воспринимающей толпы.

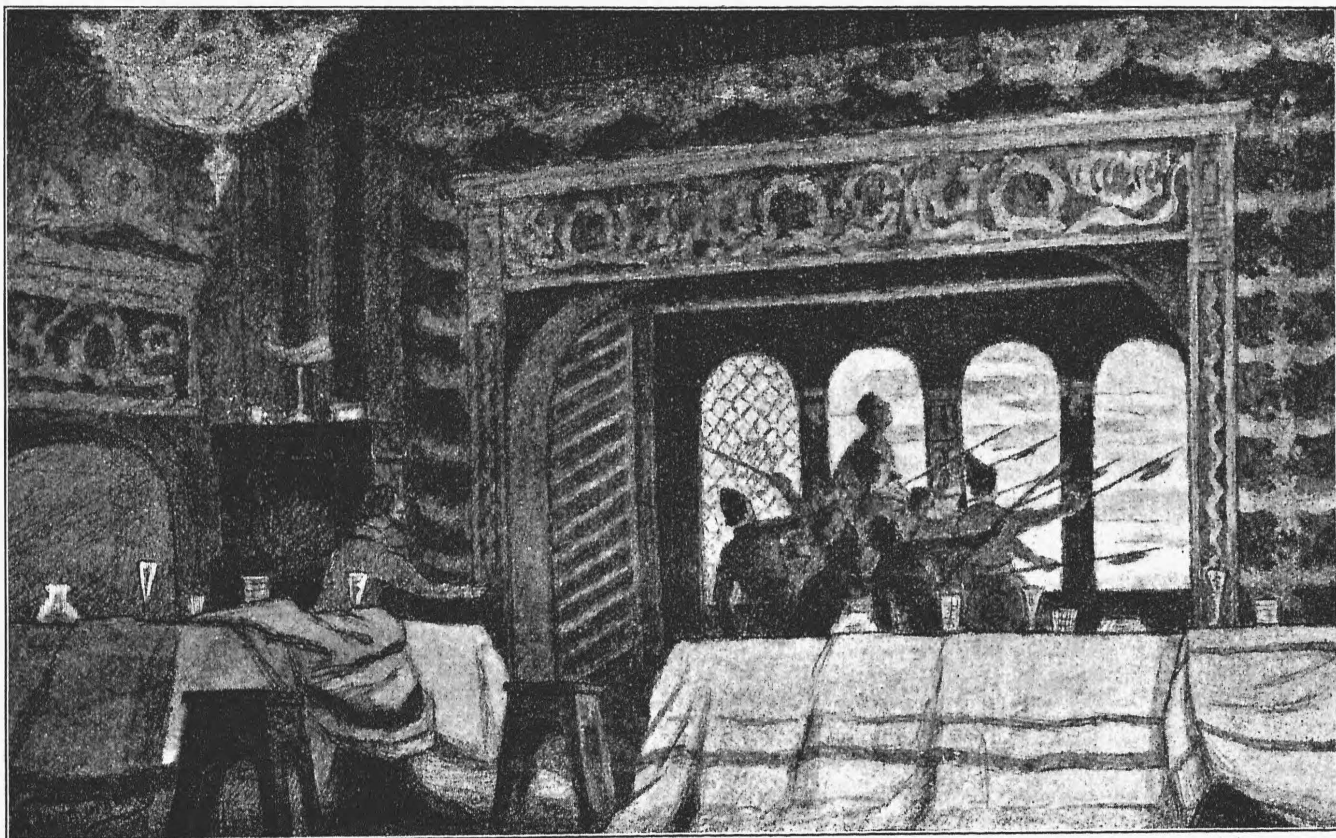
Въ этой горячей, несомнѣнно взвизывавшей присутствующую публику, импровизаціи, гораздо болѣе звучалъ голосъ

проповѣдника, моралиста, философа - мистика, чѣмъ художника-эстетика. Повѣяло чѣмъ-то общимъ со взглядомъ Толстого на искусство, повѣяло забытыми, сданными казалось бы въ архивъ формулами, можетъ быть на другой только подкладкѣ. Отрица значеніе формы въ пластическихъ искусствахъ, необходимость ея тончайшей разработки, отрицая значеніе ея въ театральномъ искусствѣ, на сколько входятъ въ него искусства пластическія, пожалуй, дойдешь до отрицанія самой сути искусства, его аромата. Впрочемъ, г. Мережковскій не разъ оговаривался, что признаетъ *художественнымъ* театр Чехова и Станиславскаго, что именно величайшій вредъ ихъ крайняго реализма въ этой художественности, чарующей толпу. Вотъ въ этомъ-то признаніи художественности и одновременно вреда, мнѣ кажется, и лежитъ глубокое недоразумѣ-

художественной простоты, искусство должно совершить полную эволюцію: простота не можетъ быть достигнута безъ предшествующей сложности. Современная живопись, напр., уже перешла эпоху художественнаго реализма и вступила въ стадію художественнаго упрощенія формъ. Театральное искусство гораздо болѣе, если можно такъ выразиться, математически сложно и потому точно опредѣлить стадіи его развитія не такъ легко. Конечно театру будущаго будутъ казаться устарѣвшими и ненужными формы современнаго театра, разумѣется онъ дойдетъ до высшаго художественнаго упрощенія, но говорить о *гибели* всего современнаго театра могутъ только моралисты и философы, отвернувшіеся отъ эстетики, отъ художественности

А. Ростиславовъ.

— АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ. —

«Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій.
Послѣдняя картина.

Рис. А. Ростиславова.

ніе. Видѣть только благодаря формѣ, въ широкомъ смыслѣ, мы можемъ воспринимать художественное, правильнѣе сказать, именно въ формѣ суть художественности. Форма же безконечно эволюционируетъ въ связи съ общей эволюціей искусства и жизни. Театръ нашего времени, не будучи для насъ религіознымъ зрѣлищемъ, какимъ былъ для древняго грека театр Еврипида, тѣмъ не менѣе связанъ съ нашей душой тоже безчисленными, тонкими и крѣпкими нитями, разъ онъ удовлетворяетъ нашимъ художественнымъ, эстетическимъ требованіямъ. Г. Мережковскій вынесъ изъ театра Станиславскаго послѣ представленія пьесы Чехова только тяжелое, гнетущее впечатлѣніе. Таково и должно быть впечатлѣніе зрителя, ищущаго опредѣленныхъ или неопредѣленныхъ формулъ, выводовъ моральнаго, философскаго или мистическаго характера, ибо сумракъ жизни, изображаемый Чеховымъ, его герои бродящіе въ этомъ сумракѣ, упирающіеся въ стѣну, не могутъ дать этихъ формулъ, этихъ выводовъ. Но реалистическая художественность произведенія этой жизни, этихъ людей, не абстрактныхъ, не вымышленныхъ, намъ близкихъ, на непосредственно эстетически воспринимающаго зрителя должно производить совѣмъ иное впечатлѣніе. Не остается ли напр., послѣ «Трехъ сестеръ», не смотря на мракъ и гнетъ сознательныхъ выводовъ, то бессознательное очарованіе всего художественнаго, въ которомъ именно живетъ самое глубокое высшее начало, которое само по себѣ служитъ источникомъ сложныхъ идей, настроеній? Средства передать художественное безконечно разнообразны и вѣкогда не улягутся въ опредѣленные рамки. Разумѣется, каждое искусство стремится къ простотѣ средствъ, высшая прелесть именно въ упрощеніи, но чтобы дойти до

ХРОНИКА

театра и искусства.

Августѣйшій вице-предсѣдатель Императорскаго русскаго Музыкальнаго общества великій князь Константинъ Константиновичъ соизволилъ назначить своимъ замѣстителемъ при главной дирекціи общества тайнаго совѣтника Е. В. Плеске.

* * *

По слухамъ (въ который это разъ?) дирекція Императорскихъ театровъ рѣшила сократить число бенефисовъ въ Императорскихъ театрахъ. Юбилейные бенефисы будутъ даваться только за 25 и 50 лѣтъ службы. Бенефисы за 10 лѣтъ со слѣдующаго сезона назначаемы не будутъ, а въ нынѣшнемъ сезонѣ ихъ получатъ г-жа Поточкая и гг. Далматовъ и Корвинъ-Круковскій, М. Г. Савина согласилась на замѣну ежегоднаго бенефиса прибавкой къ жалованію.

* * *

† А. Д. Александрова-Кочетова. 5-го ноября въ Москвѣ скончалась Александра Доримедонтовна Александрова-Кочетова. Природа надѣлила покойную А. Д. Александрову-Кочетову очень щедро: она дала ей гибкій умъ, артистическій талантъ, завидный голосъ и красоту.

Коронною партією А. Д. Александровой-Кочетовой

была Антонида въ „Жизни за Царя“. Старики и сейчас, вспоминая эту Антониду, загораются восторгомъ.

Не менѣе славна дѣятельность А. Д. и какъ профессора пѣнія. Когда, въ 1865 г., открылась московская консерваторія, она стала во главѣ класса пѣнія и не покидала его почти до послѣдняго времени. Сoggi учениковъ прошли черезъ ея школу, и многие, какъ Корякинъ, сами достигли высшей ступени сценической извѣстности. Покойная Э. Р. Кочетова, прославившаяся на европейскихъ сценахъ,—родная дочь А. Д.

Почившей А. Д. было 67 лѣтъ.

Александра Доримедонтовна

Александрова-Кочетова.

† 4-го Ноября сего года.

5-го ноября исполнилось сорокъ лѣтъ со дня кончины композитора Алексѣя Николаевича Верстовскаго. Въ 1828 г. Верстовскій создалъ первую свою оперу «Панъ Твардовскій», долгое время не сходящую съ репертуара московскаго театра.

Лучшимъ произведеніемъ В. считается опера «Аскольдова могила», впервые представленная въ московскомъ театрѣ въ 1835 г. 16-го сентября. Три послѣднія оперы А. Н. Верстовскаго «Госка по родинѣ» (1839 г.), «Чурова долина» или «Сонъ на яву» (1841 г.) и «Громобой» (1858 г.) не имѣли на сценѣ почти никакого успѣха.

* * *

Слухи и факты.

— Г. Шалапинъ выступитъ въ Петербургѣ въ бенефисахъ г-жи Славной и хора русской оперы.

— Театральное Общество предполагаетъ разослать во всѣ театры листки съ предложеніемъ присоединиться къ работанному прошлымъ постомъ основаніямъ для заключенія контрактовъ.

— «Вечера современной музыки» будутъ устраиваться въ текущемъ сезонѣ въ залѣ Германа и Гроссмана, Б. Морская, 33. Въ теченіе сезона будетъ устроено не менѣе пяти концертныхъ собраній, въ программы которыхъ войдутъ малоизвѣстныя произведенія современной и отчасти старинной камерной музыки.

— 12 ноября, исполнится двадцать пять лѣтъ литературной дѣятельности Ивана Леонтьевича Щеглова (Леонтьева), извѣстнаго беллетриста и драматурга. Ко дню юбилея выйдетъ книга «Наивные вопросы». Къ книгѣ будетъ приложенъ снимокъ съ портрета, написаннаго Рѣпинымъ, и біографія г. Щеглова. Въ театрѣ Литературно-Художественнаго общества готовится постановкѣ новая одноактная пьеса Щеглова «Салонъ переписки».

— Г. П. Кондратьевъ, бывший главный режиссеръ Императорской русской оперы, съ начала ноября открываетъ курсы пѣнія.

— А. А. Плещеевъ написалъ новую пьесу въ 4 дѣйствіяхъ подъ названіемъ «Не послѣдняя». Дѣйствіе въ міркѣ молодыхъ художниковъ. Героиня—натурщица. Пьеса разрѣшена къ представленію. Въ рукописи ее можно получить отъ автора.

— Театръ В. А. Неметти будетъ совершенно готовъ къ декабрю мѣсяцу. Какъ мы слышали, В. А. Неметти ведетъ переговоры съ однимъ изъ петербургскихъ драматическихъ театровъ относительно перелачи ему вновь устроенной сцены. Спектакли начнутся съ 1 января.

— Кронштадтское Морское собраніе сдало устройство спектаклей артисткѣ театра Литературно-Художественнаго Общества, А. И. Новиковой.

* * *

Въ субботу 16 ноября въ бол. залѣ консерваторіи состоится экстренное симфоническое собраніе по случаю постановки въ зданіи консерваторіи статуи А. Г. Рубинштейна. Участвуютъ соединенные оркестры и хоры учащихся въ Петербургской и Московской консерваторіяхъ, хоръ Императорскаго Русскаго Музыкальнаго общества и солисты гг. Петровъ, Тартаковъ, Чупрыниковъ. Въ качествѣ дирижера появится директоръ Московской консерваторіи В. И. Сафоновъ. Исполнено будетъ: похоронный маршъ изъ «Героической» симфоніи Бетховена, а изъ произведеній А. Г. Рубинштейна: ораторія «Вавилонское столпотвореніе», увертюра «Антоній и Клеопатра» и муз. картина «Донъ Кихотъ».

* * *

20 ноября 1877 г. скончался отъ разрыва сердца одинъ изъ блестящихъ представителей труппы Александринскаго театра, Инполитъ Ивановичъ Монаховъ. Трудно теперь себѣ представить ту любовь и популярность, которыми пользовался этотъ артистъ. Да и было за что: талантливый, красивый, образованный, чуждый интригъ и происковъ, обладавшій тайной притягивать къ себѣ симпатіи, Монаховъ имѣлъ весьма обширный кругъ поклонниковъ и поклонницъ и породилъ массу болѣе или менѣе неудачныхъ подражателей. На сцену онъ поступилъ случайно и первое время служилъ безъ оклада, но послѣ великолѣпнаго исполненія роли Молчалина, онъ былъ зачисленъ на окладъ 900 руб. и 15 руб. разовыхъ при бенефисѣ; послѣ Молчалина онъ явился не менѣе блестящимъ и лучшимъ до настоящаго времени Хлестаковымъ. Къ числу блестящихъ ролей его репертуара надо причислить роль Кукука въ комедіи А. Потѣхина въ «Мутной водѣ», Жоржа Дорой въ «Гувернерѣ», Градишца въ «Злобѣ дня», не говоря о небольшихъ комедіяхъ и водевиляхъ. Во времена оперетки, онъ въ этой области занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ. До сихъ поръ старые театралы помнятъ чудное исполненіе имъ роли губернатора въ «Периколлѣ» и др. Монахова по справедливости считаютъ отцомъ куплетовъ. Онъ умѣлъ обогородить куплетъ и доставлять истинное наслажденіе исполненіемъ «Смѣха», «Какъ яблочко румяно» и др. Нѣкоторыя пьесы, напримѣръ «Петербургскіе когти», годами держались на сценѣ только благодаря блеску монаховской игры. Въ «Горѣ отъ ума» кромѣ Молчалина онъ игралъ Чацкаго, причемъ Гончаровъ посвятилъ ему обширную статью подъ заглавіемъ «Милліонъ терзаній». Незадолго до смерти Монаховъ выступилъ въ роли Репетилова. Гоголь, Островскій, Потѣхинъ имѣли въ покойномъ достойнаго толкователя ихъ твореній. Выдѣлиться въ то же время было нелегко, если вспомнить, что въ труппѣ Александринскаго театра были такія силы какъ В. В. Самойловъ, П. В. Васильевъ, Виноградовъ, Зубровъ. Монаховъ легко владѣлъ стихомъ и послѣ него остался сборникъ стихотвореній, частью напечатанныхъ, частью неудобныхъ для напечатанія въ настоящее время, такъ какъ живы, вышученные и весьма зло, дѣйствующія въ нихъ лица. Симпатіи публики къ угасшему безвременно (ему было 36 лѣтъ) артисту выразились на похоронахъ; толпа въ нѣсколько тысячъ человекъ шла за гробомъ и почти до могилы несла его на рукахъ. На могилѣ было сказано нѣсколько задушевныхъ рѣчей и поэтъ-композиторъ, тоже покойный нынѣ Г. А. Лилинъ, произнесъ слѣдующее стихотвореніе:

Еще зарытая могила,
Еще слезъ искреннихъ потокъ,
Еще одинъ навѣки слегъ,
Еще загубленная сила.
Угасшій другъ. Въ прощанья часть,
Мы рады вѣрить, что средь насъ
Твой свѣтлый духъ еще витаетъ,
Что видить онъ людей сердца,
И въ нихъ унынье безъ конца,
И скорбь гнетущую читаетъ.
Почти ребенкомъ я когда-то
Свой первый трудъ ему принесъ...
Легка ли мнѣ того утрата,
Въ комъ я нашелъ участіе брата,
Въ комъ сердце дружбою зажгло.
Въ немъ было столько обаянья.

Ума, раздумья, теплоты,
 Что недостойны порицанья
 Тѣ, чьи завѣтныя мечты
 Къ нему стремились... Кто готовымъ
 Былъ на призывъ его всегда;
 Бывало взглянуть... Только словомъ
 Подарить, грусти нѣтъ слѣда.
 Творцу средь горниго селенья
 Безплотныхъ силъ звучать хвалы,
 Но долетать и тѣ моленья,
 Что шлемъ изъ нашей сѣрой мглы.
 И върнемъ, славою сия
 Тѣней великихъ вспрянетъ рядъ,
 Забывъ отраду пѣсенъ рая
 Собрата встрѣтитъ поспѣшатъ.
 И скажутъ: здѣсь, гдѣ нѣтъ печали
 Ему за то вѣнецъ сплетенъ,
 Что слезы въ смѣхѣ томъ звучали,
 Которымъ землю тѣшилъ онъ...
Театральный старожилъ.

Московскія вѣсти.

— У насъ уже сообщалось о крахѣ антрепризы Костомарова и о переходѣ дѣла къ г. Шульцу. Последнній хотѣлъ взять на себя опереточную труппу Костомарова но подъ условіемъ сокращеній и разныхъ перемѣнъ въ составѣ артистовъ. Тогда послѣдніе, въ числѣ 150 человекъ, обратились въ Бюро Театрального Общества. Артисты не соглашались на увольненіе товарищей, находили такой образъ дѣйствій несправедливымъ и просили Театральное Общество вступить въ дѣло. Среди 150 пострадавшихъ большая часть не состоитъ членами общества (изъ 150 человекъ только 14 оказались членами Т. О.). Бюро резонно заявило, что не считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ договоры и дѣла частныхъ лицъ.

Юриконсультъ Театрального Общества, прис. пов. В. В. Быховскій выѣхалъ по этому дѣлу въ Москву.

Отголоскомъ этого дѣла явилось слѣдующее «крупное недоразумѣніе» Г. Костомаровъ, арендовавшій по контракту театръ Шульца, явился передъ началомъ спектакля въ театръ и заколотилъ двери въ партеръ. Пришлось прибѣгнуть къ законнымъ мѣрамъ, такъ какъ г. Костомаровъ по контракту обязанъ былъ уступить театръ для французскихъ спектаклей. Спектакль состоялся. По отдѣльному договору между г. Шульцемъ и Костомаровымъ предпріятіе г. Костомарова должно было прекратиться, если труппа къ концу мѣсяца не будетъ удовлетворена. Г. Костомаровъ хотѣлъ сохранить за собой театръ и образовать товарищество. На послѣднее не послѣдовало разрѣшенія, и г. Костомаровъ вынужденъ былъ вернуть контрактъ на театръ г. Шульцу.

— Художественный театръ поставилъ «Власть тьмы». По словамъ «Куръ»: «Постановку «Власти тьмы» слѣдуетъ отнести къ числу удачнѣйшихъ въ этомъ сезонѣ. Тутъ все соединилось для того, чтобы произвели сильное впечатлѣніе на зрителей и сама пьеса, и исполненіе, и обстановка. Зато «Русск. Сл.» находитъ, что «главнымъ и бюющимъ въ глаза недостаткомъ было отсутствіе отдѣльныхъ яркихъ силъ. Былъ хороший фонъ, были хорошия массовыя сцены, но не было отдѣльныхъ сильныхъ исполнителей». «Нов. дня» утверждаютъ, что «спектакль въ своемъ цѣломъ оставилъ впечатлѣніе нѣсколько тусклое, не озаренное вспышками яркаго таланта. У исполнительницъ не хватало драматической силы или трепета нервовъ для боевыхъ моментовъ этой могучей тоскостовой трагедіи. Но все-таки поставлена пьеса отлично. Не было этого сценическаго «крохоборства», которымъ театръ такъ согрѣшилъ въ «Мѣщанахъ», чрезмѣрныхъ исканій замѣтныхъ подробностей и аксессуаровъ. Фонъ не съѣдалъ картины». Наконецъ «Русск. Л.» утверждаетъ: «Всѣ бытовые рельефы, всѣ оттѣнки крестьянскаго житія-бытія сохранены... тьма, тьма безпросвѣтная, и все-таки во мнѣ лично спектакль не оставилъ глубокаго впечатлѣнія. Внѣшняя его сторона, обильная деталями, придавила, такъ сказать, содержаніе, драматическую суть. Въ рельефахъ режиссерской изобрѣтательности и талантливости терялось исполненіе».

— На одномъ изъ послѣднихъ представленій «Мѣщанъ» присут-

† И. И. Монаховъ.

ства умершаго театрального критика С. Н. Флорова, драматурговъ: Е. П. Карпова, И. В. Шпажинскаго, И. Л. Щеглова, И. И. Мясницкаго, Э. К. Матернъ, Д. К. Мансфельдъ, бывшихъ товарищей по московскому университету и Демидовскому Лицею; профессоровъ московскихъ К. Н. Павлинова и Черешнева и нѣсколькихъ профессоровъ московскаго Филармоническаго общества, отъ А. А. Линтварева и мног. друг. лицъ.

* * *

Еще одна наша соотечественница съ усѣхомъ выступаетъ на заграничныхъ оперныхъ сценахъ—И. Тимротъ, получившая музыкальное образованіе въ Петербургѣ подъ руководствомъ Ферни Джиральдони. Г-жа Тимротъ выступала въ театрахъ Милана, Турина, Флоренціи, Болоньи, Венеціи, Пармы и два сезона—въ 1901 и 1902 г.—въ королевскомъ театрѣ Мадрида и въ Южной Америкѣ, въ Буэнос-Айресѣ и Монтевидео. Голосъ г-жи Тимротъ—лирическое сопрано. Въ настоящее время г-жа Тимротъ вернулась въ Россію на короткое время. На зимній сезонъ 1902—1903 года она приглашена пѣть въ Неаполь, въ театрѣ Санъ-Карло.

* * *

Г-жа Кашперова—пianistka и композиторша. Окончивъ фортепьянный классъ у Рубинштейна, она специально изучала теорію композиціи у Н. Э. Соловьева и успѣла уже написать рядъ камерныхъ произведеній и множество романсовъ. Съ такою солидною подготовкою она соединяетъ черту, которую не всегда можно встрѣтить среди музыкантовъ—интеллигентность. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить по программамъ ея концертовъ, всегда содержательнымъ и интереснымъ. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать про ея исполненіе. Несмотря на внѣшнюю развитость механизма пальцевъ, техника г-жи Кашперовой отличается полною незаконченностью и замѣтно неуклюжестью. Тонъ жесткій, ударъ грубый, педализация довольно первобытная, фразировка безцвѣтная и однообразно-ляпидарная. Въ палитрѣ г-жи Кашперовой нѣтъ красокъ и передача лишена яснаго стремленія къ поэзіи и изяществу. Благодаря сплошной рѣзкости, произведенія, въ ея исполненіи, утрачиваютъ художественный рельефъ. Изъ многочисленныхъ пьесъ, исполненныхъ ею 3 ноября въ собственномъ концертѣ, болѣе всего г-жѣ Кашперовой удалась d—moll'ная токката Рубинштейна и отчасти «Про старину» Лядова. Г-жа Кашперова представила еще на судъ публики шесть романсовъ своего сочиненія, исполненныхъ г-жею Жеребцовою-Еврейною. Эти образцы композиторства г-жи Кашперовой врядъ ли способ-

И. И. Монаховъ въ гробу.

ны разрушить установившееся предубѣжденіе противъ дамскаго творчества. Композиторшѣ нельзя отказать въ нѣкоторомъ стремленіи къ мелодичности, но темы ея страдаютъ чрезмѣрно краткостью, лишены шири и яркости,—вообще, мало выразительны. Настроеніе, слегка сентиментальное, отличается поверхностностью чувства и чуждо подъема или порыва. Впрочемъ, многое должно быть отнесено къ исполненію г-жи Жеребцовой-Еврейновой, у которой, при всей музыкальности и яркости темперамента, не хватаетъ голосовыхъ средствъ въ песняхъ недекламаціоннаго пошиба. Артисткамъ апплодировали весьма усердно и неоднократно заставляли ихъ биссировать. Очень много было и цвѣточныхъ подношеній...

И. Ку-снѣт.

Новый театр. «Прошлое», ком. Жоржа де Порто-Риша, перев. Н. Г.

Parole d'honneur, всѣ они очень милы,—эти истые сыны литературной и артистической богемы Парижа!.. Напримеръ, Франсуа Пріеръ. Я бы хотѣлъ воспроизвести передъ вами его образъ цѣликомъ, хотѣлъ бы рассказать, какой это ослѣпительный—хотя, быть можетъ, и неглубокий—умъ, какой это очаровательный для мужчинъ и неотразимый для женщинъ собесѣдникъ. Мнѣ бы такъ хотѣлось дать вамъ понятіе объ его остроуміи, его привычкахъ, наконецъ, о его «грѣхахъ», которыхъ такъ много и которые какъ двѣ капли воды похожи другъ на друга, потому что Пріеръ не пропускаетъ почти ни одной женщины, которую бы не влюбилъ въ себя, и ни одного пріятеля, у котораго не занялъ бы денегъ. Онъ очень добродушенъ, этотъ красавецъ Франсуа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ его злой языкъ не щадитъ никого—ни женщинъ, ни друзей. Стрѣлы его остроумія поражаютъ всѣхъ, независимо отъ возраста и пола. «Крылатая слова» онъ мечетъ такъ свободно и непринужденно, словно у него въ головѣ цѣлый складъ юмору и мѣткихъ сравненій. Все дышитъ въ немъ гармоніей, самообладаніемъ и, если хотите, силой. Онъ, пожалуй, даже талантливъ. Когда-то онъ занимался литературой и даже написал кое-что, имѣвшее успѣхъ, но теперь онъ сталъ дипломатомъ. Впрочемъ, въ политикѣ онъ такой же дилетантъ, какимъ былъ и въ литературѣ. Его «спеціальность» совсѣмъ въ другомъ. Природа наградила его даромъ нравиться женщинамъ и онъ эксплуатируетъ этотъ даръ во всю. Постоянныя интрижки съ женщинами—его назначеніе, цѣль его жизни. Это тотъ же Донъ-Жуанъ, но, конечно, соотвѣтствующій нашему духу и времени.

Любопытны и другіе мужскіе типы комедіи Порто-Риша. Мариотъ, Беопе, Браконі—всѣ они яркіе представители той же богемы. Олинъ, кажется, композиторъ, другой литераторъ, третій музыкантъ и артистъ. Возможно, что искусство и литература дѣйствительно ихъ главное занятіе; возможно, что эта тройца дѣйствительно переживаетъ тѣ «муки творчества», которыя должны быть знакомы всякому хотя бы сколько нибудь талантливому артисту и литератору. Но мы этого не видимъ. Передъ нами только обратная сторона медали. Мы встречаемся съ ними тогда, когда они наслаждаются и отдыхаютъ. И какими легкомысленными они кажутся въ эти минуты! Легкомысленными и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно симпатичными и привлекательными, потому что въ ихъ—можетъ быть, напускномъ—легкомыслии не чувствуется глупости и тупости. Наоборотъ, кажется, что они только тренируютъ свою мысль, заставляя ее скользить по поверхности жизни и не задѣвать ея сущности. Вслушайтесь, прошу васъ, въ ихъ споры. Какъ, напр., они легко разрѣшаютъ проблему о необходимости лжи въ жизни. Конечно, это не глубоко, конечно, это не философія, но въ перекрещивающихся фразахъ этихъ, повидимому, беззаботныхъ—французиковъ столько юмору, остроумія, столько блеска, что васъ невольно захаровываютъ эти незамысловатые парадоксы и софизмы. А какъ они говорятъ о женщинахъ, какъ беззаботно они рассказываютъ о своихъ интригахъ, сколько добродушія во всемъ этомъ! Глядя на нихъ и слушая ихъ, чувствуешь, что женщины для нихъ все, но въ то же время страданія любви не кладутъ ни малѣйшаго отпечатка на ихъ сердца. Они мѣняютъ женщинъ. Женщины, разумѣется, отплачиваютъ имъ той же монетой. Въ этомъ и заключается разница между красавцемъ Франсуа и, напр., Мариоттомъ. Первый оставляетъ въ сердцахъ каждой женщины, которую онъ влюбляетъ въ себя, слѣдъ, если не на всю жизнь, то на очень продолжительное время. Связь же съ Мариоттомъ проходитъ незамѣтно для женщины. Если Франсуа по отношенію къ женщинамъ орелъ, то Мариоттъ—только воронъ, что впрочемъ, не мѣшаетъ и ему постоянно срывать цвѣты любви.

Но самое интересное лицо въ пьесѣ—Вероника, исторія любви которой и составляетъ драматическій узелъ пьесы «Прошлое». Восемь лѣтъ тому назадъ она «безумно» полюбила Франсуа Пріера. Связь ея съ Франсуа продолжалась очень недолго, такъ какъ онъ бросилъ ее и промѣнялъ на другую. Много страданій принесла ей эта измѣна, но духомъ она не пала: у нея осталось искусство, которое она любитъ и служеніе которому прямирило ее съ жизнью. Пода-

вила ли она въ себя чувство къ Франсуа? Повидимому, нѣтъ, потому что даже теперь, спустя восемь лѣтъ, она спокойно о немъ вспомнить не можетъ. Франсуа разлюбилъ ее, но онъ никогда не лгалъ передъ ней и не обманывалъ ее. Въ любви своей никто не воленъ, и проклинать мужчину нельзя только за то, что онъ бросилъ женщину, какъ только разлюбилъ ее. Такъ думала Вероника, и никакія разоблаченія Мариотта и его товарищей, пытавшихся доказать, что Франсуа по отношенію къ женщинамъ такой же лгунъ, какъ и другіе мужчины,—не разубѣдили ее. Разубѣдилъ Веронику только случай. Вскорѣ она опять встрѣтилась съ Франсуа. Послѣ первой же попытки къ примиренію съ его стороны, въ Веронику вспыхнуло со всей силой прежнее чувство. Она уже готова была вновь сойтись съ Франсуа, какъ вдругъ уличила его во лжи. Лгать въ такую минуту—значитъ лгать всю жизнь. Слѣдовательно, Франсуа ничуть не лучше большинства мужчинъ и, вѣроятно, гораздо хуже меньшинства. И тогда любовь Вероники къ Франсуа испарилась безъ всякаго слѣда. Такова психологія женщины,—«coeur de femme». Впрочемъ, это встрѣчается только въ женщинахъ, увѣренныхъ въ себя, сознающихъ свое превосходство и чувствующихъ въ себѣ талантъ, озаряющій все окружающее.

Собственно говоря, Порто-Ришъ развиваетъ тотъ же мотивъ женской души, какой такъ блестяще и такъ убѣдительно развилъ Метерлинкъ въ своей «Моннѣ Ваннѣ». Но Метерлинкъ великій художникъ и поэтъ, а Порто-Ришъ только сухой, хотя и красивый фразеръ. Метерлинкъ васъ захватываетъ и убѣждаетъ,—Порто-Ришъ только чуть-чуть будитъ ваше любопытство.

«Прошлое» даже не пьеса въ строгомъ значеніи этого слова. Это рядъ сценъ, правда, очень живыхъ и остроумныхъ, но связанныхъ въ общемъ на живую нитку. И если вы хотите найти въ пьесѣ сильныя страсти, тѣмные характеры, глубокія идеи—то не знакомьтесь съ «Прошлымъ»: пьеса непрѣменно васъ разочаруетъ. Но если вы задумаете провести нѣсколько часовъ въ обществѣ немножко пустыхъ, но очень веселыхъ и остроумныхъ собесѣдниковъ, играющихъ словами съ необыкновенной легкостью, то посмотрите или, еще лучше, прочтите пьесу.

Едва ли нужно говорить, что пьеса Порто-Риша предназначена для исполнителей значительнаго трудноты. Въ ней почти нѣтъ движенія и все держится на отрывистомъ діалогѣ. Дѣйствующія лица съ красивой небрежностью перебрасываютъ и подхватываютъ на лету, словно мячики, отдѣльныя фразы. Это—своего рода жонглированіе словами, на что русскіе актеры и вообще-то не большіе мастера. Актеры же Нового театра едва ли и роли знали какъ слѣдуетъ. Въ этомъ отношеніи пальма первенства, какъ всегда, за г-жей Яворской. Артистка учитъ только стихи Шеллиной-Куперникъ да прозу князя Барятинскаго. Прочихъ же авторовъ г-жа Яворская передаетъ «своими словами». Для Порто-Риша, конечно, не было сдѣлано исключенія и только потому въ уста Доминики были вложены нѣкоторыя словечки чисто-русскаго происхожденія, вроде «ни тпру, ни ну!», произнесенныя г-жей Яворской съ большой экспрессіей.

Г. Романовскій, Федотовъ и Казанскій играли «въ тош» съ г-жей Яворской. Замѣтно выдѣлялся г. Баратовъ (Франсуа).

Вл. Липскій.

* * *

Панаевскій театр. 7 ноября состоялся первый выходъ г-жи Никитиной послѣ продолжительной болѣзни.

Возобновили остроумную оперетку «Доина Жуанита», въ которой режиссеръ г. Блюменталь-Тамаринъ блеснулъ эффектной постановкой массовыхъ сценъ, а исполнители общими усилиями веселили многочисленную публику.

Г-жа Никитина, мило комбинируя женское кокетство съ мальчишескими выходками, была веселымъ Рене Дюфоромъ,—особенно во 2-мъ актѣ, гдѣ мнимой Доннѣ Жуанитѣ приходится кружить голову старичкамъ Дугласу и Квадрасу. Г. Блюменталь-Тамаринъ—весьма комичный альякадъ де Квадрасъ, равно какъ и г. Пальмъ; послѣдній, впрочемъ, слышкомъ шаржировалъ даже для рѣзвой бифонады. Г. Свѣтлановъ (Гастонъ Дюфоръ) мило пѣлъ, но не твердъ былъ въ роли—иногда паузилъ. Г-жа Варламова и г. Рутковскій, по обыкновенію, чувствовали себя какъ рыба въ водѣ,—«купились въ роляхъ», по чьему-то образному выраженію.

Nsl.

* * *

Въ минувшее воскресенье мнѣ пришлось побывать на спектаклѣ въ залѣ Русскаго Купеческаго Собранія, извѣстнаго больше подъ фирмой Приказчицкаго клуба. Странное впечатлѣніе производятъ эти клубные спектакли на человѣка, непривычнаго къ нимъ. Болѣе небрежнаго отношенія къ дѣлу, болѣе халатности трудно себѣ и представить. Я смотрѣлъ заграничную пьесу кн. Сумбатова («Соколы и вороны»). Ужъ казалось бы, пьеса самая актерская: все—выигранныя роли, все—съ «уходами». Между тѣмъ, за малыши исключеніями, исполненіе было очень плохое, хотя играли не любители, а

заправскіе актеры, да еще часть изъ нихъ—изъ казенныхъ театровъ. Ролей почти никто не зналъ, суфлеръ надрывался, мѣста пугались. И слабѣе всѣхъ были именно артисты Императорскихъ театровъ, выступающіе здѣсь подъ разными псевдонимами. Артистъ, играющій на Императорской сценѣ ответственныя роли, вродѣ Георга въ «Огняхъ Ивановой ночи», изображалъ Зеленова вяло, и отъ начала до конца фальшиво, безъ всякихъ отгѣнковъ и съ какой-то нарочитой неряшливостью, словно хотѣлъ показать, что передъ клубной публикой стараться не стоитъ. Настоящее «неглиже съ отвагой». Еще развязнѣе велъ себя другой артистъ Императорскихъ театровъ, скрывшійся подъ псевдонимомъ Николаева. Къ какимъ только «отсебятинамъ» не прибѣгалъ онъ, чтобы вызвать смѣхъ нетребовательной публики! Исполнитель роли Застражаева производилъ впечатлѣніе неопытнаго любителя. Относительно сносенъ былъ г. Юровъ въ роли Гурянинова, хотя и онъ коверкалъ фразы. Съ похвалой можно отозваться только объ исполненіи г-жи Орликъ, безызывственной провинціальной артистки, служившей предыдущіе сезоны въ Вильнѣ и Новочеркасскѣ. Оля въ ея исполненіи производила

тюрнъ Шопена былъ сыгранъ недостаточно поэтично, а въ исполненіи Листовской рапсодии не хватало блеска и силы. Впрочемъ, въ пользу пианистки говорить ея умѣние толково распорядиться педалью. Выступившая въ тотъ же вечеръ пѣвица-сопрано, г-жа Фрида Чинска, обладаетъ достаточными артистическими данными, чтобы со временемъ, не безъ успѣха, фигурировать на концертной экстрадѣ. Уже теперь въ ея пѣніи замѣтны нѣкоторые приемы рациональной школы, какъ-то: правильное дыханіе, музыкально-осмысленная фразировка и отчетливая дикція, но, наряду съ этимъ, въ ея исполненіи много незрѣлаго и ученическаго. Пѣвицѣ лучше бы не гнаться за лаврами, пока не приобрѣтетъ достаточной подготовки. Выступившій въ этомъ концертѣ теноръ, г. Сеніусъ—умѣлый и не лишенный дарованія исполнитель романсовъ (преимущественно нѣмецкихъ композиторовъ), поющій музыкально и не безъ вкуса, но до приторности слащаво. У него небольшой по силѣ и объему голосъ съ нѣсколько тусклымъ тембромъ, впрочемъ, недурно поставленный. Г. Сеніусъ имѣлъ хорошій успѣхъ. Съ большимъ умѣніемъ акомпанировалъ г. Вульфусъ.

Б. Гр—ий.

ТЕАТРЪ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА.

Евг. Пурышевъ (г. Тпакскій). Голіковъ (г. Яковлевъ). Ог. Пурышевъ (г. Дунаевъ). Слатовъ (г. Михайловъ). Над. Васильевна (г-жа Терская). Елена Андреевна (г-жа Андросова).

«Безъ солнца». П. П. Вейнберга. 4 актъ.

впечатлѣніе изящное и граціозное. Отдѣльные моменты у артистки обработаны съ большой тонкостью, а въ самыхъ интонаціяхъ было много своеобразнаго и оригинальнаго, что у ingénues comiques встрѣтишь не всегда. Исполнительница роли Застражаевой показала публикѣ нѣсколько красивыхъ туалетовъ и много брилліантовъ. Всякій дѣлаетъ, что можетъ.

Вл. Линскій.

* * *

Концертъ двухъ парижскихъ артистокъ, скрипачки г-жи Ведрэнъ и пианистки г-жи Демарнъ, несмотря на полную ихъ неизвѣстность у насъ, собралъ въ залъ Кредитнаго общества много публики, повидимому, изъ одного кружка. Болѣе законченное впечатлѣніе произвела игра г-жи Ведрэнъ, обладающей хорошо развитой техникой и красивымъ, хотя и небольшимъ, тономъ. Въ ея исполненіи есть изящество и поэтичность. Лучше всего она играетъ тѣ вещи, въ которыхъ преобладаетъ или мягкая кантилена, или изяшно-пикантная музыка. Тѣ же мѣста, гдѣ требуется сильный, глубокой тонъ, ей менѣе удаются. Въ общемъ, молодая скрипачка очень понравилась публикѣ и должна была играть сверхъ программы. Не такъ хорошо зарекомендовала себя г-жа Демарнъ, оказавшаяся заурядной пианисткой съ относительно недурной техникой и мягкимъ туше. До законченности этой пианисткѣ пока далеко. Ей слѣдуетъ еще поработать надъ фразировкой, которая у нея однообразна, ей необходимо глубже вникать въ смыслъ исполняемаго и стремиться къ болѣе разнообразной передачѣ. Нок-

второй концертъ пианиста г. Сливинскаго, представлялъ, подобно первому, значительный интересъ, благодаря интересной программѣ и недюжинному исполненію. У г. Сливинскаго солидная техника, большая сила и масса темперамента; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ серьезный музыкантъ и старается подчинить виртуозное умѣние художественнымъ цѣлямъ. Звукъ у него содержательнъ, туше мягкое. Игра безупречно чистая и, благодаря искусной педализаціи, ясная и пластичная, несмотря на склонность къ неумовѣнно быстрымъ темпамъ (финалъ сонаты Шопена). Лучше всего г. Сливинскій играетъ произведенія Шопена и Листа и именно по нимъ можно себѣ составить точное понятіе о блескѣ игры даровитаго виртуоза. Пьесы же, требующія преимущественно стилистичности и классической выдержанности, менѣе удаются ему, чѣмъ романтики.

Б. Гр—ий.

* * *

Малый театръ. Въ пятницу, 1 ноября, здѣсь шла пьеса молодого автора, П. П. Вейнберга, «Безъ солнца». Читателямъ нашего журнала она извѣстна, почему мы считаемъ излишнимъ на ней подробно останавливаться. Авторъ обнаруживаетъ извѣстную бойкость въ обращеніи съ модными въ современной литературѣ типами и характерами. Едва ли не самое удачное лицо въ пьесѣ—Надежда Васильевна, 30 лѣтняя забытая дѣвица, къ сожалѣнію, не нашедшая въ лицѣ г-жи Терской подходящей по возрасту и типу исполнительницы. Наименѣе ясно очерчены супруги Пурышевы. Молодой ав-

торъ нуждается въ поощреніи, и для перваго дебюта пьесу его можно считать достаточно удачною. Автору слѣдовало бы, во всякомъ случаѣ, стремиться не къ подбору старыхъ и „испытанныхъ“ сценическихъ эффектовъ, но къ возможной жизненности, простотѣ и правдивости положеній. Менѣе всего нужно думать о роляхъ для акте-

ковъ. Кромѣ пѣвцовъ приглашены гг. Ауэръ, Вержбиловичъ, усиленный хоръ и оркестръ подъ управленіемъ г. Шенка.

Въ первый разъ въ Петербургѣ будутъ исполнены: поэма Ф. Листа «Колокола Страсбургскаго Собора», увертюра къ трагедіи «Царь Борисъ» Калининкова.

ТЕАТРЪ ЛИТЕРАТ.-ХУДОЖ. ОБЩЕСТВА.

«Безъ солнца». П. П. Вейнберга.
Г. Яковлевъ въ роли Голикова.

ровъ—тогда именно онъ и явятся. Авторъ грѣшитъ „предварительнымъ росписаніемъ ролей“. Гораздо лучше, когда роли потомъ росписываются по имѣющемуся матеріалу.

Автора вызывали на первомъ представленіи. На второмъ—главную роль доктора Пурышева вмѣсто г. Тинскаго игралъ самъ авторъ, уступавшій значительно въ опытности и въ выразительности г. Тинскому. Едва ли г. Вейнбергъ обладаетъ драматическимъ темпераментомъ: его голосъ звучитъ слишкомъ ясно, гулко и поверхностно въ сценахъ страданія. Въ другихъ роляхъ выступили г-жа Андросова, гг. Михайловъ, Яковлевъ, Хворостовъ, Дунаевъ и др., отнесіеся къ своей задачѣ съ полнымъ вниманіемъ.

К. Н.—евъ.

* * *

Намъ пишутъ изъ Иркутска. Иркутское Общественное Собраніе получило телеграммы отъ М. Г. Савиной и Альмы Фостремъ съ запросомъ объ арендѣ зала Собранія—первой на 15 драмъ и семь спектаклей, кажется, постомъ, а второй—для концертовъ на Рождествѣ. За послѣдніе годы одна только Мравина дала два концерта при полномъ сборѣ (700 р.) въ залѣ собранія (до того, какъ она здѣсь заболѣла оспой), но это объясняется тѣмъ, что г. Мравина пріѣхала въ драматическій сезонъ городского театра. Теперь же, надо признаться, почтенной г. Фостремъ очень рисковано и едва ли можно рассчитывать на успѣхъ предпріятія матеріальный или художественный. Кромѣ того сцена Собранія очень маленькая, пригодна только развѣ для любителей, а заправскимъ актерамъ на ней негдѣ развернуться: ни декораций, ни обстановки нѣтъ.

Иркутчанка.

* * *

Блестящій концертъ устраиваетъ 17-го ноября въ залѣ дворянскаго собранія общество музыкальных педагоговъ и другихъ музыкальных дѣятелей. Сборъ съ концерта пойдетъ на усиленіе средствъ общества. Составъ участвующихъ поразитъ обиліемъ громкихъ именъ. Изъ оперныхъ артистовъ выступятъ г-жи: Большка, Долина, Каменская, Славина, Фриде, Гладкая, Куза; гг. Собиновъ, Фигнеръ, Давыдовъ, Морской, Лабинскій, Тартаковъ, Шароновъ, Яковлевъ, Касторскій, Серебря-

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Варшава. Управление варшавскихъ правительственныхъ театровъ, по представленію балетмейстера г. Чекетти, рѣшило, что танцовщицы въ возрастѣ свыше 26 лѣтъ не будутъ допускаться къ исполненію сольныхъ номеровъ, балерины же, отличающіяся чрезмѣрною полнотой, совсѣмъ будутъ устранены отъ публичныхъ выходовъ.

Владикавказъ. 30 октября владикавказскій съѣздъ мировыхъ судей разсматривалъ при закрытыхъ дверяхъ кассационную жалобу сына мѣстнаго аптекаря Виктора Левандовскаго на приговоръ мирового судьи 2 участка по жалобѣ артистки прошлаго сезона С. Г. Антонелли за распусканіе В. Левандовскимъ ложныхъ слуховъ среди артистовъ труппы, позорящихъ ея честь. Г. Левандовскій обвинялся по 136 ст. устава о наказан. Съѣздъ утвердилъ приговоръ мирового судьи, приговорившаго г. Левандовскаго къ трехмѣсячному аресту.

Евпаторія. Въ «Московскія Вѣдомости» телеграфируютъ изъ Симферополя, что 3 ноября дняжды въ теченіе сутокъ, ночью и утромъ загорался въ Евпаторіи народный театръ. Подозрѣваютъ поджогъ. Убытки незначительны.

Екатеринодаръ. Дума, рѣшившая въ видѣ опыта, нынѣшнее лѣто держать сама антрепризу, пригласила въ качествѣ уполномоченнаго режиссера П. П. Ивановскаго.

Данновъ. (Ряз. губ.) На-дняхъ открытъ народный домъ со сценой и зрительной залой могушей вмѣстить до 150-ти человѣкъ. Предполагается устроить шесть общедоступныхъ (народныхъ) спектаклей въ наступающемъ сезонѣ. Играть будутъ любители.

Казань. Въ городскую управу г. Бородаемъ прислана телеграмма, въ которой онъ проситъ управу сообщить условія по арендѣ городского театра съ 1 іюля 1903 г.

Кіевъ. Съ 19 октября въ театрѣ Бергонье начались спектакли малорусской труппы А. Л. Суходольскаго.

— Народный домъ кievскаго общества грамотности предположено открыть 16 ноября. Стоимость его около 200 тысячъ рублей, изъ кой суммъ недостаеъ 40—50 тысячъ, которыя необходимо добыть путемъ сбора пожертвованій.]

— Опереточная труппа Новикова начнетъ свои спектакли въ театрѣ «Бергонье», гдѣ теперь играетъ труппа Суходольскаго, мѣсяцемъ раньше: опереточные спектакли начнутся въ ноября.

— Надъ могилой Н. Н. Соловцова воздвигнуть богатый

ТЕАТРЪ ЛИТЕРАТ.-ХУДОЖ. ОБЩЕСТВА.

«Царь Дмитрій Самозванецъ».
А. С. Суворина.
Царь Федоръ—г. Глаголинъ.

памятникъ, сооруженный супругой покойнаго М. М. Глѣбовой. Массивная чугунная часовня съ золоченымъ куполомъ, окра-

шенная въ сѣрый цвѣтъ, прорѣзана широкими стеклянными дверьми, сквозь которыя прекрасно видно ея траурное убранство. Полъ застланъ ковромъ съ бѣлой атласной подушкой для колѣнопреклоненій. На портретѣ покойнаго съ мраморными досками по бокамъ, начертано: «Николай Николаевич Соловцовъ, скончался 12 января 1902 года, 44 лѣтъ. Господи, да будетъ воля Твоя», на другой—«Жена доброму и незабвенному Колюшкѣ». Постройка обошлась свыше семи тысячъ рублей. Освященіе памятника состоится 15 ноября. Въ Кіевѣ получено извѣстіе о смерти матери покойнаго Н. Н. Соловцова, г-жи Ѳедоровой, послѣдовавшей 24 октября въ собственномъ ея имѣніи, въ Орловской губ. Покойной было 78 лѣтъ.

— Народный театръ попечительства о народной трезвости (въ Контрактномъ домѣ) снятъ на сезонъ 1902—3 г. А. А. Камскимъ и А. Н. Медвѣдевымъ. Составъ труппы: М. З. Каренина (ing. dram), М. Р. Знаменская (героиня), В. А. Варинская (ing.), Е. К. Снѣжина (grande coquette), О. Н. Самойлова и А. С. Довѣрина (gran. dames) М. И. Боярская, П. И. Барвинская, М. Н. Раевская (бытов.), М. Ф. Холмогорова (водев.) П. Р. Карменъ и О. В. Линбергъ (2-ья роли),

библиотека, инструменты музыкантовъ и всѣ принадлежности сцены.

— Начались гастроли русско-малорусской труппы, подъ управленіемъ г. Мировъ-Бедюха.

Ростовъ-на-Дону. «Мѣшане» прошли уже три раза съ аншлагомъ. Успѣхъ очень шумный.

— 20 окт. состоялось открытіе театральн. сезона на сценѣ ремесленного общества пьесой «На бойкомъ мѣстѣ». Участвуютъ исключительно любители.

Саратовъ. Преподаватели саратовскаго музыкальнаго училища составили въ нѣкоторомъ родѣ оборонительный союзъ противъ многочисленныхъ у насъ устроителей благотворительныхъ вечеровъ. Вотъ текстъ этого любопытнаго соглашенія:

«Исходя изъ того принципа, что всякій трудъ долженъ быть оплаченъ и, что благотворительные вечера и концерты ложатся тяжелымъ бременемъ на трудъ артистовъ, мы, нижеподписавшіеся, преподаватели саратовскаго музыкальнаго училища заключили между собой слѣдующее условіе: каждый изъ подписавшихся не вправѣ выступать въ благотвори-

ТЕАТРЪ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА.

«Царь Дмитрій Самозванецъ». А. С. Суворина. Послѣдняя картина. Рис. М. Иоффе.

г.г. А. А. Камскій (драм. резонеръ), К. С. Бѣлоградовъ (герой), Л. Н. Медвѣдевъ (ком.-резон.), В. В. Бобровъ (любовникъ), В. П. Мирскій и А. В. Свѣрчевскій (резонеры), П. П. Вербатовъ (фатъ-любовникъ), В. А. Канарскій и В. Г. Дмитриевъ (бытов.), А. И. Норинъ и Н. Н. Никитинъ (простаки), А. В. Дарскій, Т. В. Соловьевъ, П. Б. Курскій, Н. Ф. Каширинъ (1-ья роли).

Главн. режиссеръ А. А. Камскій. Режиссеръ П. П. Вербатовъ. Суфлеры Я. Я. Свѣтловъ и А. В. Царевиченко. Открытіе сезона состоялось 27-го октября «Старымъ зачаломъ».

Одесса. За два мѣсяца спектаклей русскої драмы въ Городскомъ театрѣ таковыхъ состоялось 59. Сборъ былъ 45,000 р. Исключая восемь общедоступныхъ, четыре утренника и два «проданныхъ», которые въ общей сложности дали 8,500 руб. получимъ, что 45 спектаклей по обыкновеннымъ драматическимъ цѣнамъ дали 37,000 р., что составляетъ на кругъ по 820 р.

Гастроли В. Ф. Коммисаржевской начнутся въ городскомъ театрѣ, съ 16 ноября.

Портъ-Артуръ. Какъ телеграфируютъ, 1 ноября здѣсь дотла сгорѣлъ театръ.

Ревель. Сгорѣлъ городской театръ. Пожаръ начался въ закулисныхъ помѣщеніяхъ по уходѣ артистовъ и служащихъ и обнаруженъ былъ, когда огнемъ были объаты уже гардеробныя и сцена. Огнемъ были объаты всѣ помѣщенія театра. Зданіе театра застраховано въ общ. «Саламандра» за 38 тыс. руб. Въ огнѣ погибли весь гардеробъ театральнаго персонала,

рительныхъ концертахъ, вечерахъ и пр. безвозмездно. Каждому изъ подписавшихся предоставляется право вступать въ личные переговоры съ устроителями вышеназванныхъ вечеровъ о размѣрѣ вознагражденія, но не менѣе, однако, двадцати пяти (25) рублей.

Условія эти не считаются обязательными по отношенію къ концертамъ, носящимъ исключительно просвѣтительный характеръ».

Ташнентъ. На-дняхъ начались спектакли опереточной труппы г. Тонни.

Томскъ. Съ открытія драматическихъ спектаклей въ театрѣ Королева (6-го окт.) шли слѣд. пьесы: «Въ новой семьѣ», «Безприданница», «Миссъ Гоббсъ», «Чужіе», «Безъ солнца», «На всякаго мудреца довольно простоты», «Вторая молодость» «Мѣшане», «Бой бабочекъ», «Петербургскія трущобы», «Ревизоръ».

Хабаровскъ. Заканчивается постройка народнаго дома.

Харьковъ. Харьковцы, какъ «оказывается», воспламеняются не отъ одной г-жи Коммисаржевской. Все то, что было на спектакляхъ Коммисаржевской, повторилось на дняхъ во время спектакля, въ которомъ участвовала опереточная актриса Милытина, Были и цвѣты, и тушь, и даже летали голубы.

— На гастроли въ оперетку приглашена А. Д. Вяльцева съ платою, какъ говорятъ, 700 руб. отъ спектакля.

Ялта. На-дняхъ городская дума должна рѣшить вопросъ о постройкѣ новаго курзала съ театральнымъ заломъ при немъ.

МАЛЕНЬКАЯ ХРОНИКА.

*** Извѣстная нѣмецкая фирма Брейткопфъ и Гертель выпустила на-дняхъ брошюру, содержащую въ себѣ свѣдѣнія о числѣ представлений, которое выдержали въ Германіи съ сентября 1901 по августъ 1902 г. пьесы, дававшіяся на сценахъ казенныхъ и частныхъ театровъ.

Оказывается, что наибольшій успѣхъ имѣла въ минувшемъ сезонѣ пьеса „Alt-Heidelberg“ („Наслѣдный принцъ“) соч. Мейеръ-Ферстера, выдержавшая 1258 представлений. Послѣ Мейеръ-Ферстера наиболее признанными авторами оказались Зудерманъ и... Шиллеръ. Зудермана играли 1139 разъ, Шиллера—только 1015 разъ. Впрочемъ, изъ классиковъ Шиллера ставили чаще другихъ. Гёте играли 342 раза, Лессинга 215, а Шекспира 746 разъ. На долю пьесъ Грильпаруера пришлось 213 представлений, на долю Анценгрубера—227.

Изъ современныхъ драматурговъ значительнымъ успѣхомъ пользовался Отто Эрнестъ; его пьесы выдержали 636 представлений. Популярность Гергарда Гауптмана видимо начинаетъ уменьшаться; его пьесы ставились въ истекшемъ сезонѣ всего 369 разъ. Фульда выдержалъ 625 представлений, Гартлебенъ—453, Шницлеръ—379, Гальбе—240, Дрейеръ—264.

Изъ авторовъ фарсовъ наибольшимъ успѣхомъ пользовались Влюменталь и Кадельбургъ, писавшіе большею частью въ сотрудничествѣ. И пьесы выдержали въ этомъ году 997 представлений. Пьесы Шёптана, написанныя въ сотрудничествѣ съ тѣмъ же Кадельбургомъ, шли 607 разъ, а фарсы Мозера, сфабрикованные имъ вмѣстѣ съ Шёптаномъ и Ларонжемъ, давались 587 разъ. Пьесы Поль Линдау шли 253 раза.

Изъ иностранцевъ наибольшимъ успѣхомъ пользовался Бріе. Его „Красная мантия“ выдержала въ Германіи въ теченіе одного этого года 511 представлений. Изъ другихъ авторовъ Капюса играли 294 раза, Биссона—214 и Сарду—204. Ибсена играли 331 разъ, а Бьернсона—510 разъ.

*** Къ свѣдѣнію артистокъ. Въ Петербургѣ открылось „филиальное отдѣленіе“ парижскаго „Institut de beauté“, вѣдающаго женскую красоту. Намъ привелось просмотрѣть проспекты. Если купить всѣ снаряды, необходимые для красоты—особые инструменты имѣются не только для бедеръ, рукъ, ногъ, шеи и т. п., но и для носа (sic), лба и т. п.—если купить всѣ эти снаряды, то выйдетъ руб. 400—500. Да еще прибавить надо разные кремы и притравиванія. Но, конечно, универсальной починки ни одной женщины не нужно: въ каждой есть что нибудь красивое и не нуждающееся въ дальнѣйшемъ усовершенствованіи. „Курсы красоты“ пока, кажется, еще не открыты для „общаго пользованія“.

никовъ (суфлеръ), П. Девени, Яд. Стальская, М. Шадурская, А. Ларова-Вишневецкая. Режиссеръ труппы П. Н. Рахмановъ.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Антрепренеръ *Мих. Отымыл.*

М. Г., г. редакторъ! 23 ноября въ саратовскомъ городскомъ театрѣ назначенъ юбилейный бенефисъ Ник. Ин. Соболющикова-Самарина. Юбиляръ въ теченіе многихъ лѣтъ съ честью трудится на театральномъ поприщѣ, какъ выдающійся артистъ и крупный провинціальный антрепренеръ. Мы, нижеподписавшіеся, покорнѣйше просимъ черезъ посредство Вашего уважаемаго журнала довести до свѣдѣнія всѣхъ сценическихъ дѣятелей о днѣ этого юбилея, такъ какъ навѣрное многіе пожелаютъ почтить юбиляра и примкнуть къ нашему скромному празднеству.

Примите увѣренія и пр. Корсаковъ-Андреевъ, Мих. Шевченко, Шебуева, А. Двинскій, Г. С. Галицкій, А. В. Цолонскій, О. Арди-Свѣтлановъ.

М. Г. г. Редакторъ! Позвольте черезъ посредство вашего журнала принести мою глубокую благодарность всѣмъ вспомиравшимъ меня 4 ноября, какъ лично, такъ и письменно своими поздравленіями, привѣтствіями и другими знаками своего сочувствія.

М. В. Кернберг.

ИЗЪ МОСКВЫ.

Еще весною, за полгода до спектакля, газетныя кумушки и театральныя прихвостни стали трещать о чудесахъ постановки «Власти тьмы» у нашихъ московскихъ «сверхмейнингенцевъ». Кто ихъ вдохновлялъ и снабжалъ матеріалами для трезвона,—я не знаю. Но, точно горохъ изъ прорвавагося мѣшка, сыпались всякія розказни и неглупицы, одна другой великолѣпнѣе. Что ни недѣля, то какое-нибудь новое режиссерское чудо-юдо г. Станиславскаго. Конечно, много тутъ было вранья. Но была и правда. Я знаю дополненно, что скульптору заказали вылѣпить грязь; знаю, разыскали какую-то тульскую бабу, и она присутствовала на репетиціяхъ и была учительницею и судьей жестовъ и ухватокъ. Она вѣщала, какъ Манеа у Островскаго, и ее слушались, вокругъ нея ходили, ублажали, дрожали ея экспертизы. И еще много другого. Все это было во вкусь этого театра режиссерской вычурности и того наивнаго пониманія реализма, гдѣ очень реальныя детали заѣдали смыслъ драмы, отнимая ея душу и разумъ. Вообще, можно было ожидать повторенія печальной исторіи со «Сигурочкой»...

Была еще и другая причина для страховъ. Вся почти афиша состояла изъ Хлюстиныхъ, Бутовыхъ, Грибуниныхъ, Помяловыхъ, Николаевыхъ и иныхъ иксовъ. И заправскій театраль впервые слышалъ эти имена. «Власть тьмы», разыгрываемая перстами робкихъ ученицъ... Какъ совладаютъ они, неумѣлые, съ иксами, вмѣсто талантовъ, съ этими громадной трудности ролями, которыя требуютъ и искусства, и крупнаго, яркаго таланта. Тутъ на макинѣ внѣшней характерности, удачныхъ гримовъ никого не проведешь...

Первый страхъ оказался въ значительной мѣрѣ напраснымъ. Были мудрствованія лукавыя, но ихъ было немного. Режиссеръ и декораторъ ограничили себя, можетъ быть—внявъ, наконецъ, дружнымъ указаніямъ критики. И постановка, хотя и не безъ грѣховъ, была въ общемъ удачная. Интересная безъ назойливости, оригинальная безъ кривляній, и не заслонявшая пьесы.

Когда раздвинули первый занавѣсъ, у меня екнуло-было сердце. Охъ, начинается... Съ перваго шага—выдумка, и достаточно вздорная. Показалось занимательнымъ и «новымъ» подчеркнуть, что показанное на сценѣ—картина. По сдвинутому «сукнамъ» нарисована раззолоченная рама, и въ нее упи-

Письма въ редакцію.

М. Г., г. редакторъ! Въ видахъ выясненія истины покорнѣйше просимъ Васъ помѣстить въ уважаемомъ журналѣ Вашемъ слѣдующее письмо.

Въ № 44 журнала «Театръ и Искусство» въ отдѣлѣ «Провинціальная Лѣтопись» помѣщена корреспонденція изъ Чернигова за подписью А. О. Корреспонденція эта извращаетъ факты по отношенію къ артисткѣ М. Н. Таманцевой. Г-жа Таманцева приглашена въ труппу М. Н. Онѣгина на вторыя роли, а слѣдовательно, никакихъ дебютовъ имѣть не могла. Спектакль шелъ для перваго выхода г-жи Стальской и г. Рахманова. Г-жѣ Таманцевой въ этомъ спектаклѣ была поручена роль матери, но таковая послѣ второй репетиціи была у нея отобрана режиссеромъ, нашедшимъ, что исполнить столь отвѣтственную роль она не въ состояніи, и вмѣсто этой роли она играла роль Клеопатры. Въ пьесѣ «Счастливецъ» г-жа Таманцева также играла вторую роль, а пьеса ставилась исключительно для Я. А. Стальской и П. Н. Рахманова, игравшихъ супруговъ Богучаровыхъ. Вообще, г-жа Таманцева, какъ вторая артистка, дебютовъ не имѣла и не могла имѣть. Прилагая при семъ письмо автора корреспонденціи изъ котораго видно, что освѣженіе фактовъ слѣдано по настоянію г-жи Таманцевой, мы, нижеподписавшіеся, *товарищескимъ судомъ* постановили: 1) просить антрепренера удалить названную г-жу Таманцеву изъ состава труппы за ея некорректное отношеніе и саморекламирваніе, 2) сообщить обо всемъ вышесказанномъ Вамъ, протоколъ же суда выслать въ Бюро Театральнаго Общества.

Анатолій Ивонинъ, С. А. Орловскій, Н. В. Платоновъ, В. В. Ларова, П. Ларовъ-Вишневецкій, И. Кондратьевъ, К. Строгановъ, М. Ленская, Э. Судьбиновъ, М. Яновъ, Н. Серебрен-

раются края потолка и стѣнъ избы, съ сѣнями направо. Клѣткою—налѣво, и рядъ скамей, иллюстрирующихъ четвертую стѣну. Это было наивное ребячество, эта рама, какъ и вся эта возня съ четвертой стѣной, которой, вѣдь, какъ ни верти, нѣтъ, не можетъ быть въ театрѣ, но которую все-таки необходимо зачѣмъ-то меблировать. Точно зрителю труднѣе вообразить, что отрѣзана часть комнаты, чѣмъ что разобрана кирпичная кладка. Но это скоро обошлось, и рама, ничего не прибавляя, не мѣшала. Изба дана очень вѣрная, въ детальной обстановкѣ, только больно ужъ загроможденная. Какой-то хаосъ столовъ, веретень, сѣдель, посуды и всего прочаго, чего и разобрать нельзя. Но пахнетъ жильемъ, чувствуется деревня со всѣмъ его обиходомъ. Въ окна глядитъ замирающій вечеръ и ложится розовыми тонами на внутренность избы. И правдиво, и своеобразно красиво. А присутствіемъ клѣтки и сѣней достигается возможность большого разнообразія въ планировкѣ сценъ. Хороша и внутренность двора, при чемъ декорация очень остроумно такъ скомбинирована, что видна и внутренность избы, и сцены Анисьи, Никиты и Матрены и знаменитый разговоръ Митрича и Анютки идутъ параллельно. Это — большой выигрышъ. Не удалась только улица, во второмъ дѣйствіи. Задній планъ совсѣмъ безъ перспективы; развѣженная дорога стоитъ перпендикулярно къ полу сцены, а прохожіе и лошади — есть и они, театръ не могъ не позабавиться, — вмѣсто дороги, сворачиваютъ въ какую-то щель между нею и избою Петра. Не совѣтую вамъ также задумываться надъ тѣмъ, какъ показываемыя въ различныхъ актахъ части одной и той же избы и двора складываются въ цѣлое. Какъ ни верти, ничего не выходитъ. Не складывается. Но отдѣльныя части хороши. И приведите вы сюда туляка, — въ немъ выиграетъ его мѣстный патриотизмъ. Оченно ужъ, такъ похоже, залягай ихъ лягушки! Люди дошлые!

Вообще, въ этомъ отношеніи, во внѣшней части спектакля все обстоитъ благополучно. Потрачено много вдумчивости, вниманія, старанія дать бытовую картину, но не забыто и чувство художественной мѣры. Поклонники постановокъ Художественнаго театра даже какъ будто разочарованы немного. Что-жъ это! Ничего особеннаго... Точно въ другомъ театрѣ... Правда, гдѣ-то собаки лаютъ, и скрипятъ полозья; Никита въѣзжаетъ во дворъ на лошади, съ плугомъ. Вотъ и еще ведутъ куда-то лошадь, съ ободраннымъ, для реальности, боксомъ. И опять лошадь, акомпанирующа Митричу въ его разговорѣ съ Анюткой, жуеетъ овесъ, тихо пофыркиваетъ и прыдетъ ушами. Да еще бабы со всей деревни здорово такъ, и немножко смѣшно, голосятъ надъ покойнымъ Петромъ. Но все это — не то. Ахать нечему. А мы ужъ такъ привыкли, что художественный театръ, значитъ — ахать. Я не сочиняю этихъ недовольствъ. Они слышались въ толпѣ, которую набаловалъ театръ этими режиссерскими благоглупостями. Теперь театръ начинается отъ нихъ, слава Богу, уходитъ. Но долженъ волочить за собою разожженное и ничѣмъ не сытое любопытство...

Я пріятно разочаровался въ своемъ первомъ опасеніи. То-

го-же, увы, не случилось со вторымъ. «Власть тьмы», требующая трагическаго подъема, яркихъ дарований, оказалась не по силамъ большей части исполнителей. Къ удивленію, не только иксамъ, сразу начавшимъ въ очень ответственныхъ роляхъ, но и такимъ испытаннымъ артистамъ, какъ г. Станиславскій и Артемъ, — излюбленные люди этого театра. Все шло болѣе или менѣе гладко, ровно; все было тщательно обдуманно, вѣрно понято и старательно передано. Но все почти было, вмѣстѣ, и тускло, не поднималось надъ посредственностью. О большомъ, потрясающемъ впечатлѣніи, какое можетъ дать «Власть тьмы», съ ея жестокою правдою, съ ея раскрытіемъ душевныхъ безднъ чловѣка, и говорить не приходится. Не было момента, когда бы дрогнула душа зрителя, и онъ-бы забылся, пересталъ замѣчать старательное исполненіе. Можно

было спокойно и равнодушно слѣдить, какъ играетъ такой-то или такой-то актеръ, что зоветъ или что ему предписано показать, одобрять, осуждать. Но нельзя было и минуту увлечься. И меньше всего въ тѣхъ моментахъ пьесы, гдѣ она достигаетъ вершинъ трагическаго. Мало стараться и понять роль, — надо умѣть жить всей полною жизнью. Проще говоря, для такихъ ролей нужны большіе таланты. Иначе онъ «зачивряетъ».

Больше всего пострадала Матрена. Ее играла г-жа Помялова. Она не безъ характерности, хотя и чисто внѣшней, сыграла горничную въ «Мѣщанахъ». И ей дали Матрену... Позвольте, господа! Тутъ явное недоразумѣніе. Вѣдь, Матрена требуетъ трагической актрисы. Вѣдь, это — стретовская роль... У г-жи Помяловой были старушечьи ужимки, была вариация горничной въ домѣ Безсѣменовыхъ, — и больше ничего. Любительница со сноровкою, нѣкоторое искусство внѣшней подражательности, и только. Въ начальной своей сценѣ, съ

Петромъ, это еще могло сойти, хотя и тутъ чувствовалась поддѣлка подъ характерность, маска, не пристававшая къ лицу, несмотря на все усердіе гримера и артистки. Но со сцены съ порошками ясно обнаружилось полное банкротство. Трагическое здѣсь и не ночевало. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Запасъ старушечьихъ ужимокъ быстро истощился, пришлось повторять его сначала и какъ-то все некстати, въ разладъ съ словами. Образъ, чуть ли не самый яркій у Толстого, все линяетъ, линяетъ. Вы помните это поразительное «потружусь и я», когда Матрена идетъ помогать бабамъ убирать покойника Петра. Вѣдь это, — *trait du maitre*, это могъ дать гений. Характеристика цѣлаго уклада. У артистки вышла каррикатура, и кто-то сзади меня хихикнулъ. Онъ долженъ былъ содрогаться отъ ужаса. А въ четвертомъ актѣ, передъ душегубствомъ и послѣ него была уже сплошная неразбериха. Матрены не было. А она — ось всей трагедіи. Ея значеніе въ пьесѣ никакъ не меньше, чѣмъ Никиты и Акима. Это — первый, чрезвычайно важный изъянъ въ спектаклѣ, ничѣмъ не вознаградимый.

И какъ не было Матрены, не было и Акима, не было самой сути его души. Былъ грязный зипунъ, была ушастая шапка, были дрожащіе пальцы, этотъ обязательный ресурсъ г. Артема, были слезящіеся глаза, было «тае, тае». А что тае? Вотъ то-то, что не тае... Я не говорю, что г. Артемъ, былъ

МОСКОВСКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

«Мѣщане», М. Горькаго.

неискрененъ. Нѣтъ. Старикашка совсѣмъ живой. И забавный такой. Позвольте не входить въ разборъ того, правъ ли Толстой въ своей идеализаціи этого очистителя выгребныхъ ямъ. Это завело бы слишкомъ далеко. За Акимомъ тянется поне-многу вся толстовская мораль. Но замыселъ автора обязательенъ. Вся внутренняя, нравственная структура пьесы держится имъ, этимъ освѣщеніемъ Акіма, какъ высшаго носителя правды, вмѣстителя царствія Божія. Эта сторона пропадала совсѣмъ. И Акимъ былъ въ пьесѣ только эпизодической фигурой, которая мелькнетъ и опять пропадетъ, не оставивъ слѣдовъ ни на пьесѣ, ни на душѣ зрителя. «Власть тьмы» лишилась второго своего устоя.

И еще двѣ слабыя фигуры,—Митричъ, который у г. Станиславскаго вышелъ скучнымъ и сухимъ, и публика слухала, хотя плохо слышала его, наморщивши чело и не разу не распутивъ губъ въ улыбку, и Анютка. Г-жѣ Хлюстиной прекрасно удалось все, кромѣ разговора съ Митричемъ, т. е. того, для чего Анютка и введена въ пьесу. До разговора — очень искреннія, совсѣмъ дѣтскія ноты, хорошая выразительность лица, въ разговорѣ — полная неискренность, напряжение и отсутствіе жуги. Художественный театр — прославленный специалистъ настроенія. Какъ онъ не уловилъ его здѣсь, въ этой замѣчательной ночной сценѣ, въ этомъ трепетѣ ребенка, чистая душа котораго бьется, какъ попавшаяся птичка, наступившая ужомъ вторящагося подлѣ преступленія! Вы поймете меня, если я скажу, что этотъ разговоръ Митрича и Анютки былъ самою сухою, скучною частью спектакля. Была лошадь, жующая овесъ, но не было настроенія. И если неудачными Матреною и Акимомъ у пьесы были отняты ея устои, то заслуженною сценою на печи у нея былъ сорванъ ея самый сильный ковырь. Мудрено-ли, что она проиграла игру и было скучно...

Остальное лучше. Никита раскололся пополамъ. Гдѣ жанровая фигура, гдѣ бабникъ, весельчакъ, бахвалъ, шаткая, рыхлая душа,—вполнѣ хорошо; гдѣ—фигура трагическая, гдѣ напряженная душевная мука, гложущая совѣсть, вспыхнувшая потребность покаянія, гдѣ въ немъ просыпается Акимовъ сынъ, — намѣренія, слабо выполненные. Г. Грибунинъ — актеръ безъ большого темперамента, безъ душевнаго надсада. Актеръ слабой выразительности и еще болѣе слабой варизательности. Ни голосъ, ни мимика не обладаютъ у него этою способностью, и «натуро» у него холодное. Нельзя съ такими свойствами играть Никиту. Онъ отлично вваливается цыганъ въ избу, отлично куражится надъ Анисейю, ластится къ Акулинѣ, хорошо съезъ отцу десятку на лошадь. Но когда ему, въ финалѣ того-же 3-го дѣйствія, дѣлается «скушно», подползаетъ, послѣ ухода Акіма, сосущая тоска, первая расплата за «увязшіи коготокъ»,—его уже не хватаетъ. Нужны всѣ усилія постановки, кстати—вполнѣ удачной, чтобы помочь ему дать то, что тутъ нужно. Постановка все-таки выручаетъ. Зритель какъ будто настраивается. Но въ сценахъ до и послѣ душегубства г. Грибунинъ предоставленъ уже самому себѣ, помощи извнѣ нѣтъ. И видна лишь большая на-

тута. Невыполненный, несогрѣтый замыселъ. То-же и со сценой на гумнѣ, когда назрѣваетъ мысль о самоубійствѣ, и въ сценѣ покаянія. Какъ она написана у Толстого! Да зритель рыдать долженъ. А онъ и не сморгнетъ. Все—вѣрно, вѣрно, хоть у нотаріуса засвидѣтельствовать, но мертво, глухо. И нѣтъ отвѣтнаго эхо въ моей душѣ.

Я думаю, мнѣ не нужно больше пояснять, почему общее впечатлѣніе отъ спектакля такое тусклое. Все, что самое существенное, или въ цѣлыхъ роляхъ, или въ существеннѣйшихъ ихъ частяхъ, не поднялось до уровня, какого требуетъ пьеса. И этихъ коренныхъ недочетовъ, конечно, не могутъ искупить ни тщательность и интересъ постановки, ни

«Неронъ», опера Рубинштейна.

удачное исполненіе роли Анисьи, которую правдиво и выразительно играетъ г-жа Бутова, или Петра, котораго столь-же правдиво и еще болѣе выразительно играетъ г. Судьбининъ, или Акулина, которую характерно, смѣлыми мазками, но не падая въ царжъ, изображаетъ г-жа Николаева, сплеховавшая лишь въ заключительной сценѣ. Ни даже трижды появляющійся коняга.

Н. Э.—св.

Юбилей.

(РАЗСКАЗЪ).

II.

Были эпизоды, надъ которыми рѣшительно стоило задуматься.

Такъ наприимѣръ, когда однажды Чечевицынъ вышелъ покурить въ переднюю и затѣмъ вернулся къ своему столу, то оживленный говоръ вдругъ стихъ и всѣ его сослуживцы начали пристально смотрѣть въ лежащія передъ ними бумаги. Было ясно, что они говорили о чемъ-то такомъ, что относилось къ нему, Чечевицыну.

Замѣтилъ онъ также, что иногда чиновники между собой шептались и при этомъ искоса поглядывали на него.

Былъ и такой случай: однажды старшій помощникъ столоначальника—впрочемъ, не того стола, за которымъ сидѣлъ Чечевицынъ, а другого,—вошелъ въ комнату, держа въ рукѣ листъ бумаги. Подошелъ къ одному чиновнику, что-то шепнулъ ему на ухо и далъ ему бумагу подписать, потомъ къ другому и къ третьему и ко всѣмъ, что-то шепталъ на ухо и давалъ подписать, а къ нему, Чечевицыну, не подошелъ.

И когда онъ стоялъ близко около Чечевицына, то этотъ спросилъ его:

— Позвольте узнать, что это за бумага?

И тотъ вдругъ свернулъ бумагу вчетверо и спряталъ ее въ карманъ: — Нѣтъ, это такъ... это вамъ не можетъ быть интересно...

Подобныя сцены, часто повторяясь, начинали мало-по-мало приводить Чечевицына въ нервное состояніе. Онъ чувствуетъ себя какъ бы объектомъ какого то заговора. Можно было подумать, что противъ него что-то замышляютъ.

Иногда эта мысль до такой степени овладѣвала имъ, что онъ самымъ серьезнымъ образомъ оглядывался на свое недавнее прошлое и спрашивалъ: — «не совершилъ-ли я чего-нибудь непозволительнаго или позорнаго и не хотятъ ли сослуживцы показать мнѣ свое презрѣніе?»

Но, во-первыхъ, изслѣдованіе показало, что онъ ничего такого не совершилъ, а во-вторыхъ, то, что происходило, никоимъ образомъ не походило на презрѣніе.

Напротивъ, всѣ были изысканно внимательны съ нимъ, и даже дипломированные молокососы, сидѣвшіе за его столомъ лишь временно, чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ получить какое-нибудь завидное назначеніе, и обыкновенно даже не замѣчавшіе его, теперь съ любезной улыбкой подавали ему руку и говорили:—а, Авдѣй Никифоровичъ, здравствуйте... Или: — мое почтеніе, m-r. Чечевицынъ. Но одинъ случай рѣшительно поставилъ его въ тупикъ.

Однажды вышло какъ-то такъ, что ему, Чечевицыну, пришлось самому отнести бумагу для подписи къ директору. Бумага была спѣшная, а всѣ старшіе чиновники, обыкновенно сносившіеся съ директоромъ, были заняты чѣмъ-то экстреннымъ.

Конечно, ему не въ первый разъ довелось явиться передъ свѣтлыя очи начальника, но обыкновенно директоръ даже не смотрѣлъ на него и навѣрно не зналъ, какое у него лицо,—а бралъ бумагу, прочитывалъ двѣ послѣднія строки, въ которыхъ заключалась суть, и подписывалъ ее съ такимъ видомъ, какъ будто былъ убѣжденъ, что бумага сама себя сочинила, сама себя написала и сама пришла къ нему. Бумага только имѣла значеніе для директора, а при-

несшій ее чиновникъ не имѣлъ никакого значенія. Но на этотъ разъ директоръ внимательно посмотрѣлъ на него:—Вы Чечевицынъ?

— Точно такъ, я Чечевицынъ, ваше превосходительство! отвѣтилъ Авдѣй Никифоровичъ.

— Вы занимаете должность младшаго помощника столоначальника.

— Исправляющаго должность, ваше превосходительство...

— А!.. Вы служите уже тридцать пять лѣтъ? Не такъ-ли?

— Совершенно такъ, ваше превосходительство.

— А... хорошо... А жалованья вы получаете семьсотъ восемьдесятъ..

— Семьсотъ восемьдесятъ шесть рублей шестьдесятъ пять копѣекъ, ваше превосходительство.

— А, отлично... Можете идти...

Чечевицынъ повернулся и вышелъ, держа въ рукѣ бумагу, но въ душѣ его было глубокое смущеніе. Что это значитъ? Зачѣмъ директоръ спрашивалъ его обо всемъ этомъ? Уже восемь лѣтъ онъ у нихъ директоромъ, восемь лѣтъ Чечевицынъ попалался ему на глаза чуть не каждый день и никогда онъ не интересовался его скромной особой.

Какъ это странно, какъ это удивительно! Тридцать пять лѣтъ, говорилъ, — это хорошо. А жалованья семьсотъ восемьдесятъ — это, говоритъ отлично. Но что же тутъ хорошаго и отличнаго? Тридцать пять лѣтъ и всего только семьсотъ восемьдесятъ рублей — это очень даже плохо.

И душа Чечевицына была смущена—во все остальное время службы въ этотъ день и потомъ дома, послѣ службы.

А событія все нарастали. Сколько времени понадобилось на все это, Чечевицынъ точно опредѣлить не могъ. Иногда ему казалось, что прошло нѣсколько лѣтъ, а иногда, что всего какихъ-нибудь три-четыре дня. Въ иные же моменты у него мелькала мысль, что, въ сущности, все это ему только снится.

Но не смотря на то, что, какъ казалось, онъ достаточно былъ подготовленъ, самое событіе застало его совсѣмъ врасплохъ. Произошло это слѣдующимъ образомъ.

Однажды, вскорѣ послѣ возвращенія со службы, когда жена Чечевицына уже звенѣла ножами и тарелками накрывая на столъ, чтобы обѣдать,—къ нему пріѣхалъ сослуживецъ и пріятель, Иванъ Ивановичъ

Воробьевъ. Этотъ пріятель иногда обѣдалъ у нихъ, такъ какъ онъ былъ человѣкъ холостой.

Пріѣхалъ онъ въ вицъ-мундирѣ и уже этимъ вызвалъ удивленіе въ Чечевицынѣ. Обыкновенно чиновники послѣ службы спѣшатъ поскорѣе снять вицъ-мундиръ и надѣть пиджакъ. Но кромѣ того, видъ у Воробьева былъ какой-то странный, точно онъ самъ не свой. Говорилъ онъ какъ будто не свои слова, глядѣлъ точно сквозь туманъ, и вообще и двигался, и сидѣлъ не по настоящему, а затѣмъ сказалъ:

— Что-же ты не одѣваешься?

Чечевицынъ посмотрѣлъ на него изумленными глазами.—Зачѣмъ же это я буду одѣваться? Кажется,

— ❧ МОСКОВСКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ. ❧ —

«Мѣщане» М. Горькаго. Сцена 3 акта.

Народъ столпился предъ дверью отравившейся Татьяны. Съ фот. С. Судьбинина.

я достаточно одѣтъ...

— Какъ? Развѣ ты на юбилей поѣдешь въ пиджакѣ?

— На юбилей? какой такой юбилей?

— Да полно... что ты прикидываешься?.. сегодня же юбилейный обѣдъ... Ну, одѣвайся же поскорѣй...

— Послушай, Иванъ Ивановичъ, я сейчасъ видѣлъ тебя въ канцеляріи и слѣдовательно ты не имѣлъ времени подвыпить. Значитъ, я долженъ думать, что ты или дурачишь меня, или слегка помѣшался, очень серьезно сказалъ Чечевицынъ.

— Такъ значитъ ты не знаешь, что сегодня юбилей этого-того... Ну, да однимъ словомъ нашего регистратора Каптюгина!

— Что? регистратора! Это съ которыхъ же поръ такіе маленькіе люди, какъ регистраторъ, удостоиваются юбилей? Регистръ—коллежскій ассессоръ, получаетъ девятьсотъ рублей, и я тебѣ повѣрю, что ему устраиваютъ юбилей? Ну, нѣтъ, братъ, шалишь, не на такого дурака попалъ...

— Но увѣрю тебя, чество тебя увѣрю, что сегодня юбилей регистратора; самъ директоръ принимаетъ участіе и всѣ прочіе... Въ этомъ году тридцать пять лѣтъ его службы... Ну такъ вотъ... Да

неужели же тебѣ никто не сказалъ? Ни одна душа.

— Но какъ же, какъ же! Это такое событіе! Самъ директоръ первый подписался на листѣ... Такъ это просто тебя какъ-нибудь пропустили... Но это все равно, одѣвайся и ѣдемъ... да поскорѣе... уже шесть часовъ.

Чечевицынъ не зналъ, вѣрить ли Воробьеву. Обыкновенно онъ не вралъ, но могъ соврать. Вѣдь у каждаго человѣка бываетъ такой случай, что онъ совретъ въ первый разъ. Но съ какой стати ему такимъ образомъ врать? Съ чего бы тутъ замѣшался регистраторъ? и опять же? этотъ виць-мундиръ... Зачѣмъ бы онъ зря оставался въ виць-мундирѣ, который и такъ надоѣлъ ему за шесть или семь часовъ службы. Вѣдь это же всякій знаетъ, что гораздо пріятнѣе носить пиджакъ.

— Послушай, Иванъ Ивановичъ, какъ-то внушительно сказалъ Чечевицынъ: — Если окажется, что ты меня дурачишь, то знай, что я никогда тебѣ этого не прощу и на всю жизнь сдѣлаюсь твоимъ врагомъ... Вотъ такъ же точно, какъ до сихъ я былъ твоимъ другомъ, — я тогда буду твоимъ врагомъ...

— Ну ладно, ладно, будешь врагомъ... а теперъ поскорѣе одѣвайся...

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, ты это знай, — я чловѣкъ старый, я тридцать пять лѣтъ прослужилъ такъ же, какъ и регистраторъ Каптюгинъ. Мы вмѣстѣ съ нимъ начали... Ты долженъ понимать, что такого человѣка дурачить грѣхъ, ты понимаешь?

— Понимаю, понимаю, а ты одѣвайся... да поскорѣе... Надѣнь чистый воротничекъ и манжеты. Дарья Васильевна, дайте ему чистый воротничекъ и манжеты... Ну скорѣй, скорѣй, а то неловко, торопилъ его Воробьевъ.

Чечевицынъ одѣлся, причесался и они вышли. Тутъ оказалось, что у воротъ уже стоитъ готовый извозчикъ и не обыкновенный извозчикъ, а лихачъ. Воробьевъ посадилъ его и они поѣхали.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Театральныя замѣтки.

Мнѣ рассказывали — да, впрочемъ, я гдѣ-то и въ газетахъ это читалъ — что во время преній по докладу г. Озаровскаго насчетъ московскаго Художественнаго театра, г. Мережковскій до того воспламенился, что стукнулъ кулакомъ и воскликнулъ: «къ чорту Станиславскаго!» Можетъ быть, это не совсѣмъ точно передано, но въ всякомъ случаѣ, что-то, связанное съ московскимъ Художественнымъ театромъ, г. Мережковскій послалъ «къ чорту». Этотъ порывъ былъ, несомнѣнно, искренній, и со многимъ въ проповѣди г. Мережковскаго меня примиряетъ. «Безпорывные», «безстрастные», «въ ниточку вытянутые» субъекты. — самые пошлые и дурные люди. Они больше политиканствуютъ, нежели чувствуютъ. Если что-либо чловѣкъ страстно любить, онъ, по закону реакціи и контраста, долженъ иное и страстно ненавидѣть. Я знаю, что этой страсти въ любви и ненависти часто противопоставляютъ — съ назиданіемъ, увѣщаніемъ и даже «предвареніемъ» — идеалы «умѣренности и аккуратности». Но никогда я не повѣрю — да и не могу повѣрить, да и весь ходъ чловѣческой мысли и культуры этому противорѣчитъ — чтобы умѣренность и аккуратность что-либо создали и воздвигли. Умѣ-

ренность и аккуратность могутъ только сохранить и запечатлѣть на продолжительное время то, что создано экстазомъ любви въ одно мгновеніе. Я видѣлъ однажды огромнаго кита, настоящее «чудюдо, рыбу китъ», занимавшаго всю палубу большого китобойнаго судна и выставленнаго для обозрѣнія публики. Китъ издавалъ легкій душокъ, но несмотря на июльскую жару, не разлагался. Какъ мнѣ объяснили, огромное туловище кита было покрыто слоемъ мышьяка. И вотъ, я думаю, что и «умѣренность и аккуратность» — такой же слой предохранительной рутины. Запашокъ, правда, есть, но въ общемъ, туша не разлагается..

Ненависть — свѣтотѣнь любви. Любовь-же это то, что Спенсеръ называетъ «идеей — чувствомъ». Идси безсилны что-нибудь создать, пока онѣ не согрѣты чувствомъ. Чувство — творческое начало, и нельзя себѣ представить ничего болѣе бесплоднаго, какъ общество людей, чуждыхъ чувствъ и живущихъ въ «средѣ умѣренности и аккуратности».

Г. Мережковскій, разумѣется, выразился рѣзко, пославъ «къ чорту» выдумки московскаго Художественнаго театра. Но я понимаю, что его душа могла возмутиться. Какъ много умныхъ и образованныхъ людей — не говорю о «публикѣ» — поддались этому обману! Въ томъ самомъ органѣ, котораго согрудникомъ состоитъ г. Мережковскій — именно въ «Мірѣ Искусства», — я читалъ во время перваго пріѣзда труппы московскаго Художественнаго театра самыя восторженные отзывы. Люди, стало быть, въ извѣстной мѣрѣ единомышленны съ г. Мережковскимъ, заявляли, что вотъ это — есть истинное открытіе театральнаго искусства. Если не ошибаюсь, авторъ статьи всю исторію русскаго театра раздѣлилъ на два періода: отъ Волкова до Станиславскаго, и отъ Станиславскаго — дальше. И если таково было увлеченіе органа печати, который первый, въ области живописи, сказалъ смѣлое и рѣшительное слово противъ скучной и нудной реалистической «выписки», а здѣсь не разсмотрѣлъ наибоанальнѣйшей формы реализма, то чего же ожидать отъ толпы?

Хотя я не посылая ничего «къ чорту», однако, въ разговорахъ подвергался осужденію за «пристрастіе», съ которымъ писалъ о московскомъ Художественномъ театрѣ. Одинъ почтенный писатель, близко принимающій къ сердцу московскій театръ, выговаривалъ мнѣ за это. Онъ не отвергалъ того, что многое мною было указано вѣрно, но находилъ несправедливымъ, что я не отмѣчаю хорошаго и добраго въ этомъ театрѣ. Точно — я не отмѣчалъ, но говорилъ «съ пристрастіемъ». И думаю, что такъ долженъ былъ говорить: направленіе театра было явно фальшивое, низводящее искусство до уровня ремесла, въ тоже время ремесла прекраснаго, и потому именно плѣнительнаго для всякой золотой посредственности. Золотая-же посредственность («умѣренность и аккуратность») всегда вселяла во мнѣ ужасъ. Я думалъ, что время еще не пришло говорить о московскомъ Художественномъ театрѣ безъ всякаго пристрастія, потому что борьба съ фальшивымъ и унижительнымъ для искусства направленіемъ не только не кончилась, а едва-едва начиналась, и въ то время я былъ почти одинокъ, — даже среди большинства сотрудинокъ «Театра и Искусства».

Прошло нѣсколько лѣтъ, и я вижу слѣды повороты въ мнѣніяхъ и сужденіяхъ критики. Кое-гдѣ въ провинціальныхъ газетахъ встрѣчаются очень вѣрные и справедливыя сужденія о направленіи московскаго Художественнаго театра. Московская печать почти вся въ настоящее время придерживается того взгляда, который былъ едва ли не впервые высказанъ на страницахъ «Театра и Искусства». Нако-

некъ, — о, превратность судьбы! — къ Художественному театру охлаждаетъ и московская публика. «Мѣшане» не имѣютъ успѣха, «Власть Тьмы» почти не имѣетъ успѣха. Истина—то, что я считалъ нѣкогда истиной—спустилась до уровня пониманія толпы. Теперь, пожалуй, можно было бы созрѣть для «безпристрастія». Съ той минуты, какъ мысль стала достойнѣе толпы, она утрачиваетъ значительную долю своей привлекательности.

Эта истина заключается въ томъ, что московскій Художественный театръ не сказалъ и не думалъ говорить какое нибудь «новое слово». Напротивъ, его слово было старое-перестарое, но въ техникѣ, въ ремеслѣ, въ организации дѣла онъ далъ много новаго, интереснаго, а подчасъ и привлекательнаго. Фальшь же его направленія заключается въ томъ, что онъ отошелъ отъ единственнаго, столько-же вѣрнаго, сколько и неисповѣдимаго, начала — отъ таланта, стремясь замѣнить его муштрой, разными техническими приспособленіями и внѣшними признаками воспроизведенія лицъ и характеровъ. Что московскій театръ далъ много полезныхъ работниковъ сцены—это несомнѣнно, но точно также несомнѣнно, что онъ не выдвинулъ за 5 лѣтъ своего существованія ни одного талантливаго актера. И это понятно, потому что онъ не искалъ таланта, не дрожалъ надъ нимъ, какъ любящая мать дрожитъ надъ ребенкомъ, не гордился имъ, не растилъ, не поощрялъ его; потому что постановка слагалась не изъ откровеннѣй талантовъ, разыгрывающихъ пьесу, какъ должно быть, но изъ педантическаго плана, служащаго кораномъ для правотѣрныхъ актеровъ. Спектакль былъ не «суммой творчества», но «суммой выполненія» инструкции. Актеръ превращался въ служебное орудіе, и занималъ совершенно одинаковое мѣсто съ бутафорскою принадлежностью.

До тѣхъ поръ, пока новшества Московскаго Художественнаго театра не превратились въ рутину—для этого понадобилось три-четыре года—подмѣнъ

МОСКОВСКІЙ НОВЫЙ ТЕАТРЪ.

«Виндзорскія кумушки».

МОСКОВСКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

«Мѣшане», М. Горькаго.

Перчихинъ и Безъсменова. Съ фотографіи С. Судьбинина.

неисповѣдимаго искусства механикою кукольнаго театра сходилъ благополучно, и огромная масса публики была отъ новаго театра въ восторгѣ. Какъ всегда бываетъ, теорія побѣждала въ припрыжку за практикою, и попыталась создать художественное міросозерцаніе, художественную догму для того, что было только выдумкою техники. Стали говорить, что нынче нѣтъ героевъ, что жизнь—тускла и однообразна, что слово, иллюстрирующее жизнь, сближается съ музыкою, что театръ изображаетъ будни и мн. др. Все это было сочинено ad hoc и представляло обычную софистику мысли, которой нужно оправдать и объяснить свое впечатлѣніе. Для не слишкомъ тонко чувствующихъ натуръ техническіе фокусы г. Станиславскаго, будучи вновь, казались истиннымъ искусствомъ, и мысль забѣгала впередъ, освѣщая пути чувства яковы факелами разума. Но когда фокусы пріѣлись, когда четвертая стѣна перестала дѣйствовать на воображеніе, когда зритель свыкъся съ паузами, наполненными очень возможнымъ и очень ненужнымъ дѣйствіемъ,—очарованіе исчезло, и бывшіе поклонники этого театра заскучали въ этомъ «храмѣ», бывшемъ только «мастерскою», какъ выражался Базаровъ,—первый «реалистъ», съ которымъ прозаическіе дѣятели московскаго Художественнаго театра находятся въ прямомъ и непосредственномъ родствѣ.

Чего я требую отъ театра? Если я скажу — поэзіи, то скажу банальность. Если я скажу иначе,—то выражу не то, что думаю. Вся суть именно въ томъ, что искусство неразложимо, а разложимо ремесло, и быть можетъ, самый сильный доводъ противъ направленія московскаго Художественнаго театра заключается въ томъ, что впечатлѣніе, даваемое имъ, вполне разложимо, и г. Озаровскій нашелъ возможность строго классифицировать всю техническую сторону этого впечатлѣнія. Я знаю,

что «Мѣщане» Горькаго произвели на меня (въ Петербургѣ) впечатлѣніе безысходной скуки. Я лично видѣлъ, что пьеса и сама-то во многихъ частяхъ «сдѣлана», но что сдѣлалъ г. Станиславскій—было и совсѣмъ несомненно. Это бросаніе грязнаго бѣлья, это безконечное опусканіе и прикрѣпленіе шторы — весь этотъ ненужно прозаическій жанръ, когда тамъ, въ маленькой каморкѣ, страдаетъ отравившаяся Татьяна. Зачѣмъ моя мысль останавливалась на грязныхъ наволокахъ и шторахъ, когда ей надлежало думать о страданіяхъ души? Зачѣмъ меня развлекали въ то время, когда я долженъ сосредоточиться? У Гончарова въ «Обыкновенной исторіи» молодой Адуевъ, порядочный сухарь, тихо блаженствуетъ съ Наденькой. И затѣмъ раздается голосъ: «пожалуйста кушать, простокваша на столѣ». «Мигъ невыразимаго блаженства,—и вдругъ простокваша!» восклицаетъ Адуевъ. Даже Адуевъ, будущій директоръ департамента, съ задатками гемороя,—и тотъ съ болью почувствовалъ это выѣдреніе прозы въ тихій «зефиръ» поэтической первой любви. Но, Боже мой, что дѣлаетъ г. Станиславскій своими жанрами, какъ не непрерывно взываетъ о простоквашѣ и къ простоквашѣ?

Когда мнѣ говорить, что г. Станиславскій поэтъ, художникъ, но лишь заблуждающійся и затерявшійся среди подробностей бутафорскаго искусства,—я никакъ не могу съ этимъ согласиться. Геніальный metteur en scéne—можетъ быть; первостатейный выдумщикъ; необыкновенно изобрѣтательный умъ—все, что угодно, но только не поэтъ. Можетъ ли поэтъ, художникъ любить такъ штору, какъ любить ее г. Станиславскій? И любить штору тамъ, гдѣ, худо ли, хорошо ли, авторъ пытается рѣшить стародавній споръ душъ омѣщанившихся съ душами пылками, жаждущими жизни, тревожными и мятущимися? До шторы ли здѣсь?

Въ письмѣ изъ Москвы читатели найдутъ отзывъ объ исполненіи «Власти тьмы». Фонъ не такъ рѣзко выступаетъ впередъ, вниманіе не такъ отвлекается. Въ добрый часъ! Но что же дальше будетъ? Куда пойдетъ Художественный театръ? Онъ объявилъ войну личному творчеству; вмѣсто того, чтобы стать питомникомъ талантовъ, онъ предпочелъ сдѣлаться образцовой мастерской декораций и бутафоріи, успѣшно конкурируя въ этомъ отношеніи съ бр. Лейфертъ. Несостоятельность направленія, по которому пошелъ Художественный театръ, ясно успѣла обнаружиться. Придется обратиться къ личному творчеству актеровъ и искать ихъ на сторонѣ, потому что изъ театра г. Станиславскаго не выйдутъ, не могутъ выйти талантливые актеры. Учить играть надо такъ же, какъ учить ходить: съ легкой поддержкой. Если же водить ножками ребенка, не давая ему средствъ самому отыскивать центръ тяжести, онъ долго—кто знаетъ сколько?—будетъ ползать на четверенькахъ. И мнѣ кажется, что почти всѣ актеры Художественнаго театра—ползающіе, иные, еще ходить не научившіеся, другіе же—разучившіеся.

Искусство безъ свободы—величайшій обманъ и величайшая безсмыслица. Это—ложь, въ существѣ своемъ, въ самомъ сердцѣ—ложь. Для того, чтобы творить, настолько надо быть свободнымъ, сколько надо чувствовать эту свободу, надо обманывать себя мыслью о томъ, что свободенъ, надо жить этою мыслью, какъ мы живемъ обманчивою, но прекрасною мечтою о свободѣ нашей воли. Вся красота, поэзія, яркость нашихъ дѣйствій покоятся на этой мечтѣ: дѣлаю что хочу. Отнимите эту внушенную идею, которой, казалось бы, противорѣчить мировой порядокъ, и мы будемъ ступать, какъ автоматы,

безъ всякаго вкуса къ жизни и всякаго аппетита къ ней. И искусство должно покоиться на этой сладостной мечтѣ: я творю что хочу. О, это не значить, что оно такъ въ дѣйствительности, но такъ она должна быть внушенная идея творчества. И тогда оно озарится блескомъ, красотою жизни, тогда изъ робкихъ, угнетенныхъ душъ полются лучи, и освѣтятъ неисповѣдимымъ хламъ бутафорской изобрѣтательности, который неспособенъ ни одного атома счастья прибавить человѣчеству...

Кажется, я еще все говорю «съ пристрастіемъ». Каюсь. Но борьба дѣйствительно еще не кончилась. Многие (см. выше ст. А. Ростиславова) называютъ это исканіемъ новыхъ «формъ искусства». Но развѣ это «формы»? Развѣ холстъ, краски—суть формы живописи, а не орудія ея? Еще у Мольера, философъ просилъ не смѣшивать «форму» съ «фигурой». И я думаю, что самое большее, на что можетъ претендовать московскій Художественный театръ—это на оригинальность своей фигуры, а никакъ не на самобытность своихъ формъ.

А. К—ель.

СОВѢТЫ.

(Подъ редакцію С. А. Свѣтлова).

18. Подписчику 5317.

Должно ли говорить со сцены такъ же, какъ говорить въ жизни; эта естественность не составляетъ ли художественность исполненія?

Съ подобными вопросами обращаются весьма часто. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда только что входило въ моду „художественное исполненіе“, — вопросы — какъ нужно говорить со сцены —обыкновеннымъ голосомъ или его усиливая и т. п.—дебатировались почти въ каждой труппѣ, и съ какимъ презрѣніемъ новаторы относились къ актерамъ „старой школы“, какъ ихъ называли, за ихъ привязанность къ декламации, трагическому завыванію и т. д. Да и теперь вопросъ этотъ можетъ почитаться еще спорнымъ, судя по тому, что вы пишете, и самый запросъ валъ уже есть доказательство, что здѣсь не все такъ ясно, какъ должно быть. Прежде всего основное правило—актеръ долженъ говорить такъ, чтобы его было слышно зрителямъ — слѣдовательно онъ долженъ говорить ясно и отчетливо. Не думайте, что для этого непременно надо говорить громко; нѣтъ — опытный актеръ будетъ говорить шопотомъ, но каждое его слово вы будете слышать даже въ самыхъ дальнихъ мѣстахъ зрительнаго зала.

Далѣе... но здѣсь лучше привести слова извѣстнаго Коклена — французы большіе мастера дикціи и кого же, какъ не француза, послушать въ интересующемъ насъ вопросѣ.

Въ своей статьѣ—Искусство актера—Кокленъ говоритъ: „Произношеніе — вѣжливость актера. Дѣйствительно, когда обращаешься къ публикѣ, необходимо быть понятнымъ, слѣдовательно, произносить отчетливо. Но естественность? спросать меня.—Развѣ не надо говорить естественно?“

— Не толкуйте со мною о естественности тѣхъ, которые не хотятъ произносить членораздѣльно, болтаютъ передъ публикой, точно за столомъ, останавливаются, поправляются, повторяютъ слова, жуютъ ихъ, словно конецъ сгари, бормочутъ и превращаютъ слогъ автора въ какую-то кашу“...

„Я знаю, что актеръ можетъ заслужить репутацію большой естественности, подражая тону простого разговора. Онъ не произноситъ ни одного слова громче другого, проглатываетъ концы фразъ, мнется, сокращаетъ, дѣлаетъ видъ, будто не находитъ выразеній, повторяетъ ихъ дватри раза подъ рядъ, говоритъ монотонно въ теченіи десяти минутъ, потомъ ускоряетъ вдругъ рѣчь, чтобы быстрее дойти до эффектнаго мѣста“... (Ахъ, какъ знакомы намъ эти лица). „А неразборчивая, публика восклицаетъ: Боже мой, какъ это естественно! Можно думать, что онъ у себя дома. Какой актеръ!.. Я не слышалъ, а вы?.. Но какъ это естественно сказано“. „Только не полагайтесь на это. Если, какъ иногда бываетъ, пьеса интересуетъ зрителя больше, чѣмъ актеръ, если зрителю хочется понять ее, то, когда онъ устанетъ слѣдить за ходомъ пьесы, онъ сердито крикнетъ: Громче, да громче же! и разочаруется“.

Къ этому можно, кажется мнѣ, добавить еще, что едва ли можетъ заинтересовать публику актеръ, рѣчи котораго

Заглавная виньетка къ партитурѣ Сень-Санса.
«Самсонъ и Далила».

она не слышитъ — развѣ что это будетъ великій талантъ, которыми мы восхищаемся, даже не понимая ихъ языка (Росси, Сальвини). Для обыкновеннаго же актера должно быть догмой — говорить со сцены просто, но отчетливо, бевъ пафоса, искренно, но ясно и на столько громко, чтобы вся зрительная зала его слышала и правило это относится не только къ пьесамъ современнымъ, но и классическимъ за небольшими исключеніями, о которыхъ, при случаѣ, скажемъ въ другой разъ.

19. Подписчику № 3117.

Разрѣшаются ли драматической цензурой къ представленію тѣ пьесы, гдѣ фигурируютъ князья причисленные перковью къ лику святыхъ, благовѣрныхъ и т. п. какъ напр. Св. благовѣрный князь Александръ Ярославовичъ (Невскій) или благовѣрный кн. Михаилъ Ярославичъ Тверской?

По наведеннымъ нами въ драматической цензурѣ справкамъ *такія пьесы безусловно не разрѣшаются.*

За границей.

Въ Парижѣ, въ театрѣ «Одеонъ», идетъ передѣлка «Воскресенія» Толстого Анри Батайля подъ названіемъ «Ressurrection». На генеральной репетиціи публика состояла почти исключительно изъ литераторовъ и артистовъ, а въ райкѣ — изъ учащейся молодежи, т. е. все изъ горячихъ поклонниковъ нашего великаго писателя. Восторженное, можно сказать, фанатическое настроеніе царило въ залѣ, и малѣйшій намекъ на слабую мѣста передѣлки вызывалъ негодующіе протесты.

Дирекція театра, насколько это было въ ея силахъ, держалась *souleur locale* при постановкѣ пьесы Батайля. Изъ Москвы были выписаны мундиры полицейскихъ офицеровъ, тюремныхъ надзирателей, а также сѣрые халаты съ бубновыми тузами для арестантовъ обоихъ половъ. Были и курьезы, но постановочныя погрѣшности и бытовые неточности, разумеется, неизбежны.

Драматургъ взялъ остовъ романа и уложилъ его въ пять актовъ съ прологомъ. Вышла не то мелодрама, не то пьеса безъ опредѣленной формы.

Прологъ происходитъ у тетки князя Нехлюдова въ ночь на Свѣтлое Воскресеніе и представляетъ исторію соблазна молодой дѣвушки пріѣзжимъ офицеромъ. Первый актъ — совѣщаніе присяжныхъ засѣдателей по дѣлу Масловой, второй — вечеръ въ домѣ Корчагиныхъ. Третій актъ переноситъ зрителя въ женскую тюрьму, четвертый — въ больницу при тюрьмѣ.

Пятый актъ разыгрывается въ Сибири, на этапѣ каторжныхъ, на фонѣ суроваго зимняго ландшафта. Въ прологѣ и послѣднемъ актѣ раздаются церковное пѣніе и колокольный звонъ; послѣднее объясненіе между Нехлюдовымъ и Катюшей происходитъ также въ ночь на Свѣтлое Воскресеніе.

Самый удачный въ пьесѣ — третій актъ. Происходитъ онъ въ пересыльной тюрьмѣ. Скомпанованный почти цѣликомъ по тексту романа и очень хорошо поставленный въ режиссерскомъ отношеніи, онъ составляетъ вмѣстѣ съ послѣдними сценами пятого акта гвоздь пьесы. Пьяныя, сварливыя, раздраженные, потерявшія образъ человѣческой обитательницы этого ада вмѣстѣ съ ужасомъ вселяютъ не отвращеніе, а нѣжную сердечную жалость. Конецъ этого акта, когда въ заснувшей тюрьмѣ раздаются рыданія забытой арестантки, которая плачетъ, чтобы отвести душу, потому что въ это время она счастлива, — чрезвычайно трогателенъ. Раньше этого приводится сцена между Нехлюдовымъ и Масловой. Актриса, игравшая Маслову (Берта Бади), была въ этой сценѣ очень хороша.

Является князь съ радостной вѣстью о томъ, что Масловой даровано помилованіе. Онъ напоминаетъ ей о своемъ намѣреніи жениться на ней, но Маслова отказывается: она не имѣетъ права думать о личномъ счастьѣ, она должна исполнить свой долгъ, какъ и онъ послушался голоса своей совѣсти. Нехлюдовъ умиляется сердцемъ. «Да, — говоритъ онъ, — я вижу, что и ты воскресла, какъ и я возродился душою». Раздается церковный благовѣстъ, и слышны привѣтствія среди толпы кругомъ: «Христосъ воскрес!» «Помнишь, какъ это было тогда у тетки?» — спрашиваетъ князь, и преобразенная сердцемъ дѣвушка задумчиво опускаетъ голову. Звонъ усиливается, и доносится пѣніе. На сцену высыпаютъ арестанты и арестантки и становятся на колѣни. На этомъ и кончается пьеса.

Исполненіе русскія газеты называютъ посредственнымъ. Только «Нов.» замѣчаютъ: «Г-жа Бади, игравшая роль Масловой, провела ее поистинѣ блестяще». Впрочемъ, пишетъ это г. Е. Семеновъ — тотъ самый Е. Семеновъ, который писалъ такіе восторженные панегирики г-жѣ Яворской, когда она гастролировала въ Парижѣ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ДѢТОДИСЬ.

ВИЛЬНА. Г. Струйскій продолжаетъ знакомить публику съ неигранными еще здѣсь пьесами. Давали «Тоску», «Комету», а впереди еще «Эгмонтъ», «Тиаба», «Орленокъ», «Мѣщане», «Quo vadis»... Цѣлый калейдоскопъ новинокъ, подкрѣпляемый обстановочными пьесами, вродѣ «Потонувшаго колокола» и «Измаила». Дѣятельность лихорадочная — за рѣдкими исключеніями пьесы идутъ лишь по одному разу; сосредоточивалась она пока въ Большомъ театрѣ, а въ Маломъ пробавлялись двумя-тремя мелодрамами въ недѣлю отъ «Воровки дѣтей» до «Менахимъ-бенъ Израйля». Теперь же, вѣроятно, въ цѣляхъ экономіи на вечеровыхъ расходахъ, спектакли дѣлается почти по-ровну между обѣими сценами, и только по пятницамъ и воскресеньямъ идутъ на нихъ параллельно.

«Многочумная» трагедія совершенно не по средствамъ нашей труппѣ. Богъ вѣсть, какъ сойдетъ «Эгмонтъ», но «Король Лиръ» сошелъ плохо. Нельзя ставить такія вещи съ двумя-тремя хорошими артистами и вереницей «полезностей», къ тому же совершенно не подготовленныхъ къ трагическому репертуару. А г. Цвиленевъ «грозится» «Юліемъ Цезаремъ!»

Говорятъ, что выхода нѣтъ, что надо во что бы ни стало давать новинки и шумныя трагедіи, такъ какъ только онѣ привлекаютъ публику и дѣлаютъ сборы. Спорить не станемъ: «сборъ» — сильное слово. Однако было время, когда тотъ же «устарѣвшій», «выдохшійся» Островскій дѣлалъ громадные сборы въ Общедоступномъ театрѣ. Здѣсь есть какое-то недоразумѣніе. Печально, конечно, что антрепризѣ приходится расплачиваться за чужіе грѣхи. Печально и для искусства, и тѣхъ самыхъ артистовъ, объ интересахъ которыхъ яко бы пекутся, гоняся за сборами. Печально, что только такими «героическими» средствами можно сколотить жалкіе актерскіе гроши, которымъ все приходится принести въ жертву — и здоровье, и силы, и любовь къ искусству, и талантъ.

Начались бенефисы. Г-жа Назимова выбрала пьесу нѣмца Барра «Звѣзда». Это — старая, какъ мѣръ, исторія. Артистка Лединеръ полюбила маленькаго чиновника, причастнаго къ литературѣ — Вецингера. Конечно, онъ сталъ ее ревновать, пошли сцены — они разошлись, и онъ женился на мѣщаночкѣ. Kurz und gut. Пьеса шаблонная и не яркая, но въ ней есть нѣсколько выигранныхъ положеній и удачныхъ штриховъ. Исполненіе было старательное, и даже у г-жи Назимовой роль изнервничавшейся артистки вышла несомнѣнно скучной. Г. Струйскому много говорить не пришлось, но то, что надо было сдѣлать, онъ сдѣлалъ хорошо, напрасно только изобразилъ Вецингера совсѣмъ ужъ наивнымъ. Одно замѣчаніе относится къ обоимъ артистамъ: побольше уваженія къ сценѣ.

Этимъ у насъ не грѣшатъ. Въ водевилѣ «Крещинскій въ юбки» г-жа Запольская, успѣшно исполнившая заглавную роль, въ концѣ пьесы, когда публика шумно начинаетъ покидать залъ, не безъ граціи приподняла юбки и, напѣвая на мотивъ изъ «Орфея» пресловутое «Вышла кошка за котомъ» исполнила легонькій канканъ. Это «коленце» произвело надлежащее дѣйствіе: публика остановилась и наградила почтенную артистку аплодисментами. Цѣль артистки, вѣроятно, была достигнута. Въ «Тетушкѣ изъ Глухова» г-жа Бауэръ поетъ шансонетки, а потомъ весь «персонажъ» пляшетъ цѣломудренную «французскую кадрили».

Отмѣчаю «Тоску». Заглавная роль удалась г-жѣ Моравской, къ сожалѣнію, скончавшей конецъ. Г. Эльскій сильно сыгралъ Маріо. Г. Струйскій былъ очень хорошъ въ 3 дѣйствія, гдѣ въ свирѣломъ Скарта пробуждается сластолюбецъ, вообще же, слишкомъ драматизировалъ. Печально сошли «Потонувшій колоколъ» и «Комета»—сѣро и вяло. Въ «Измаилѣ» отличился г. Зубовъ. Суворовъ вышелъ у него совсѣмъ живымъ лицомъ—это вообще даровитый артистъ. Эффектнымъ Потемкинымъ былъ г. Эльскій. Ольгу Верстовскую играла г-жа Эллеръ. Эта артистка не безъ способностей, у нея есть трогательныя нотки, но нотки эти какъ-то томительно-однообразны. Трудно сказать что-нибудь опредѣленное о г-жѣ Прокофьевой—ужь очень жестоки роли достаются ей.

Впрочемъ, публика—этотъ «дьяволъ», какъ ее зывали въ «Звѣздѣ»,—пойдетъ смотрѣть все, что угодно, лишь бы ее хорошенько помянули. Такъ, на афишахъ въ бенефисъ г-жи Назимовой названіе пьесы красовалось на дискѣ звѣзды изъ сусального золота. Невольно напрашивается сравненіе съ сусальными звѣздами парусиноваго неба...

МОГИЛЕВЪ ГУБ. Здѣсь подвизается опереточно-драматическая труппа, подобранная довольно удачно. Опереточные артисты играютъ въ драмѣ, а нѣкоторымъ драматическимъ—приходится участвовать въ опереттѣ. Въ труппѣ изъ молодыхъ силъ выдѣлился Томинъ, способный молодой актеръ—комикъ и про-стакъ. Резонеры гг. Васильевъ и Волховскій—артисты законченные и очень полезные, особенно г. Волховскій, который въ любой труппѣ можетъ служить съ успѣхомъ. Престіжю—герой-любовникъ, при смѣшанной труппѣ, не успѣлъ еще выдѣлиться замѣтно, такъ какъ сильныхъ драмъ не ставили. Изъ второстепенныхъ силъ болѣе или менѣе выдѣляются г. Мазуровъ, молодой актеръ, голосъ—сильный теноръ, и если не будетъ лѣниться, то скоро займетъ мѣсто перваго тенора, гг. Пеневскій и Похило. Хоръ слабоватъ, хотя и большой для Могилева. Нѣсколько хорошихъ, взявши деньги за полмѣсяца и за дорогу, не пріѣхали. Женскій хоръ много лучше. Сыграно съ 1 октября по 30: «Горе отъ ума», сборъ 168 руб. 12 коп., «Цѣпи», «Медвѣдь»—96 р. 75 к., «Корневилскіе колокола»—316 р. 19 к., «Злая яма» 76 р. 35 к., «Цыганскій колоколъ»—226 р. 76 к., «Преступленіе и наказаніе», водевилъ «Дорогой поцѣлуй»—120 р. 27 к., «Гейша»—451 р. 83 к., «Дѣти Ванюшина»—96 р. 45 к., «Нинишъ»—119 руб. 26 коп., «Корневилскіе колокола»—73 р. 74 к., «Ни минуты покоя», «Дорогой поцѣлуй»—29 р. 56 к., «Гейша»—217 руб. 24 коп., «Гроза»—111 р. 70 к., «Воккачіо»—121 р. 12 к., «Сарра Розенблатъ»—49 р. 62 к., «Гейша»—180 руб., «Летучая мышь»—463 р. 86 к., «Генеральша Матрена»—58 р. 72 к. Всего взяли 2977 р. 54 к. Труппа стоитъ 4160 руб. Вечеровой расходъ 1000 р. Итого убытка за первый мѣсяць 2182 р. 46 к.

АСТРАХАНЬ. Со 2 октября прошли пьесы: «Докторъ Штокманъ», «Уриель Акоста» (2), «Василиса Мелентьева», «Два міра» (во 2-й р.), «Гибель Содомы» (2), «Дѣти Ванюшина», «Теща», «Миссъ Гоббсъ», «Мамуся» (2), «Честь», «Разбойники», «Каширская старина», Ксенія и Лжедимитрій и даже «Велизарій». Въ роли Василисы Мелентьевны выступила г-жа Медвѣдева (всего 2-ой выходъ, кажется) и заявила себя вполне полезной артисткой. Г. Смирновъ былъ хорошимъ Грознымъ. Въ нѣкоторыхъ пьесахъ съ удовольствіемъ смотрится г-жа Микульская, хорошая исполнительница ролей старухъ. Въ «Дѣтяхъ Ванюшина» выдѣлился своей игрой Г. Вязовскій (старикъ Ванюшинъ), но только онъ одинъ; остальные исполнители не возвышались надъ уровнемъ посредственности. Трагедія «Уриель Акоста»—произвела на публику сильное впечатлѣніе, благодаря исполненію заглавной роли г. Тугановымъ. Особенно удалась ему сцена съ матерью и затѣмъ сцена отреченія. Несмотря на малочисленность собравшейся публики, Тугановъ имѣлъ шумный успѣхъ. Приличны были г-жа Огинская (Юдифь) и г. Вязовскій (верховный раввинъ). Неровность артистическихъ силъ—это главный недостатокъ труппы Медвѣдева. Весьма вѣроятно, что на малую сыгранность вліяютъ слишкомъ частые спектакли (7 разъ въ недѣлю). При этомъ условіи, да, вдобавокъ, при весьма посредственномъ уровнѣ второстепенныхъ силъ труппы, срепетовка пьесъ не можетъ быть безукоризненной, несмотря на всю опытность режиссера г. Евгеньева. При всемъ томъ многіе спектакли смотрятся съ удовольствіемъ. Г-жи Огинская, Микульская; г. Смирновъ, Тугановъ, Вязовскій, Медвѣдевъ—все это довольно крупныя артистическія силы. Изъ молодыхъ исполнительницъ безусловно слѣдуетъ отмѣтить г-жу Князеву; особенно ей удаются роли подростковъ. Мѣстная пресса от-

носится къ труппѣ очень дружелюбно. Вообще есть надежда, что сборы подымутся.

При здѣшнемъ музыкальномъ училищѣ открытъ классъ декламаци и драматическаго искусства. Препоаетъ артистка г-жа Черепова (по сценѣ Попова-Азогова). 19 октября былъ 1-й ученическій спектакль. Шли сцена ученья изъ «Педагоговъ» 1 и 2 акты «Безъ вины виноватые». Само собой, что это ученическія упражненія и ничего большаго. Немного странно, что входъ на эти спектакли не бесплатный: билетъ стоитъ 10 коп. (!), а по желанію и болѣе, но безъ раздѣлія мѣстъ.

ВОРОНЕЖЪ. Интересъ нашей публики къ театру въ текущемъ сезонѣ не ослабѣваетъ. Режиссируютъ спектаклями попеременно гг. Линтваревъ, Бороздинъ и Демуръ. Подобная система переменнаго режиссерства видимо имѣетъ хорошую сторону, вызывая соревнованіе. Въ постановкѣ пьесъ ясно замѣчаются отступленія отъ рутинны и сценическаго шаблона. Планировка комнаты, мебели, присутствіе предметовъ, хотя и не нужныхъ для хода пьесы, но дополняющихъ иллюзію жилого помѣщенія, на нашей сценѣ выходятъ жизненно и правдиво. И въ исполненіи пьесъ замѣчается тоже значительное стремленіе къ лучшему, а именно къ общему надлежащему тону, соответственному пьесѣ. Въ этомъ нельзя конечно не видѣть новыхъ вѣяній Московскаго Художественнаго театра. Изъ новыхъ пьесъ до сихъ поръ были поставлены: «Безъ солнца», «Холостая семья» и «Мамуся». Наибольшій успѣхъ выпалъ на долю «Холостой семьи». Эти, во всякомъ случаѣ интересныя пьесы, прошли уже три раза. Обдуманно играетъ г-жа Струсь главную роль Люксъ. Въ ея исполненіи чувствуется живизнь и дѣтское простодушіе, что дѣлаетъ образъ этого падшаго полуробенка симпатичнымъ. Напа премьерна г-жа Смирнова въ короткое время завоевала симпатіи публики. Г-жа Полякова,—ingenue dramat. и тоже со способностями актриса, но угловатая манера сильно вредятъ впечатлѣнію. Г-жа Халатова, — актриса безъ амбуа,—во всѣхъ роляхъ бываетъ типична. Также самое можно сказать и о г. Горскомъ.—Изъ мужского персонала выдѣляется г. Бороздинъ. Въ роляхъ фатовъ не безъ успѣха выступаютъ г. Демуръ. Г-жа Кудринцева и г. Короткевичъ (комич. старуха и старикъ) въ прошломъ сезонѣ имѣли болшій успѣхъ, нежели въ нынѣшнемъ. Существеннымъ пробѣломъ въ труппѣ,—отсутствіе хорошаго любовника.—Г. Сабининъ, занимающій это амбуа далеко не всегда бываетъ удовлетворителенъ.—Крупнымъ недостаткомъ является жестикуляція руками и головой. Въ похвальному стремленію къ простой, разговорной чисткѣ,—переходитъ границы возможно, а потому его рѣчь скудна, вяла и однообразна. Г. Сабинину надо устранить эти недостатки, ему въ дарованіи отказываться нельзя. Замѣтными исполнителями являются также гг. Ячменниковъ, Жуковскій и Ладогинъ. Изъ стараго репертуара съ успѣхомъ прошли «Счастливецъ», «Дѣвичій переполохъ», «Гроза» и «Докторъ Штокманъ».

Къ дефектамъ нашего театра надо отнести военный духовой оркестръ, играющій во время антрактовъ и положительно, своими іерихонскими трубами, выгоняющій публику изъ партера.

Г. Верстениковъ (агентъ Театральнаго Общества) и въ зимнемъ сезонѣ продолжаетъ конкурировать съ городскимъ театромъ, устраивая любительскіе спектакли въ залѣ ремесленной управы. Зрителей бываетъ на этихъ спектакляхъ какъ сельдей въ бочкѣ.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о слѣдующемъ событіи мѣстной жизни, хотя уже и извѣстномъ всей читающей Россіи.—Совѣтъ директоровъ и директрисъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, въ огражденіе учащихся отъ пагубнаго увлеченія театромъ, исходатайствовалъ предъ мѣстной администраціей о воспрещеніи антрепренеру продавать учащимся билеты на свободныя мѣста въ театрѣ (42 коп.), въ чемъ съ антрепренера взята официальная подписка. Вѣроятно по этой-же причинѣ утренніе бесплатные спектакли для учащихся, которыя Линтваревъ каждую зиму устраивалъ по нѣсколько разъ, въ этомъ году еще не начинались.

На дняхъ будутъ поставлены «Педагоги», съ большимъ успѣхомъ игранные въ прошлую зиму восемь разъ... Самымъ разъ—возобновить эту пьесу.

ВОЛОГДА. Здѣсь играетъ труппа антрепризы Брянскаго и Лаврова въ театрѣ, арендуемомъ Бориславскимъ, представителемъ котораго является Пузинскій. Сложная цѣль обязательствъ и отношеній. Труппа небольшая, и преобладающій контингентъ—актеры молодые. Г-жа Мигановичъ (героиня и сильно-драматическія роли)—сравнительно молодая актриса. Темпераментъ «средній». Играетъ изяшно и хотя зрителя не захватываетъ, но смотрится съ интересомъ. Наружность очень подходящая для «салонныхъ» ролей. Наиболѣе удачно сыграла «Миссъ Гоббсъ», хотя слишкомъ подражаетъ «божественной» и даже старалась говорить въ носъ. Г. Листовъ—еще совсѣмъ молодой актеръ, способный и серьезный. Играетъ все: нѣтъ фата—играетъ фата, нѣтъ простака—играетъ простака, да еще и съ пѣньемъ. Увы, ничто такъ не губитъ провинціального актера какъ это несчастное «и пѣвецъ, и

жнецъ, и въ дуду игрецъ». Второй любовникъ (Никифоровъ-Бродскій)—просто «второй любовникъ». Опытный комикъ Лавровъ много содѣйствуетъ ансамблю. Есть еще въ труппѣ довольно исправный, хотя немного суховатый актеръ Каменскій, затѣмъ резонеръ Ивановъ, имѣются еще два-три человѣка на вторыя роли, поигрываетъ иногда самъ режиссеръ Брянскій, всегда склонный къ рутинѣ. Г-жа Ленская скорѣе ingenue dramatique, нежели comique. Grande-coquette Грузинская, актриса не первой молодости, съ нѣкоторымъ жаромъ, котораго хватается на мелодрамы. Затѣмъ еще актриса «со слезой» Чистякова—молодая и ровненькая. Двѣ маленькихъ актрисочки, Радичъ и Агатова, на вторыя роли по обыкновению мало замѣтны. Къ женскому персоналу причисляется еще Пузинскій, этотъ единственный въ своемъ родѣ актеръ, играющій женскія роли.

Въ обстановкѣ и бутафоріи «все та же ночь, все тотъ же мракъ унылый», а современные пьесы требуютъ все новыхъ и новыхъ декораций, все новыхъ и новыхъ эффектовъ. Посѣщаетъ публика театръ, когда нечего дѣлать, не взирая на то, какую пьесу въ данный свободный день ставятъ. Сыграны: «Хлѣба и зрѣлищъ», «Женитьба Бѣлугина», «Слѣдователь», «По гривенничку за рубль», «Благодѣтели чловѣчества», «Вторая молодость», «Трильби», «Забубенная головушка», «Нюбей», «Дѣти Ванюшина» (2 раза), «Да здравствуетъ жизнь», «Старые годы», «Дѣвичій переполохъ», «Миссъ Гоббсъ», «Жизнь и смерть», новая пьеса, на которую было много затратъ, но которая при повтореніи не дала сбора. «Комета» (бенеф. Мигановичъ). Вообще, уровень труппы для Вологды выше средняго, а что касается сборовъ, то они, увы, ниже среднихъ.

Д. Г.—нз.

УФА. 29 сентября состоялось открытіе спектаклей въ театрѣ общества распространенія физическихъ упражненій труппой А. И. Громова. Въ нашемъ обществѣ существуетъ предубѣжденіе противъ этого театра. За послѣдніе годы у насъ бывали неудачныя труппы. Прошло нѣсколько спектаклей, и по видимому въ составѣ труппы имѣются серьезные исполнители: гг. Громовъ и Марджановъ и г-жи Живокини и Римская. Пли у насъ и «Мѣщане» М. Горькаго; публика съ интересомъ слухнула пьесу до самаго конца. Выдѣлился въ роли Перчихина г. Громовъ. Выдержанно провелъ г. Ленскій роль Петра, хотя эта роль—не его амплуа. Г. Марджановъ въ роли Нила далъ живой образъ, г. Свѣтловскій (Безъсменовъ), г. Дымскій (Гетеревъ), Строкина (Татьяна), г-жа Живокини (Поля)—прониклись пьесой и въ общемъ, были недурны.

БОБРУЙСКЪ. До сихъ поръ нашъ городъ, зимой, не имѣлъ постоянной труппы; посѣщали насъ только проѣздомъ, давали три—четыре спектакля. Въ нынѣшнемъ зимнемъ сезонѣ къ намъ пожаловала труппа драматическихъ артистовъ и, какъ гласятъ предварительное театральное объявленіе, на весь сезонъ. Отъ души желаемъ молодой антрепренершѣ Б. А. Сельской полного успѣха. Сезонъ открылся у насъ 5 октября драмой «Соколы и вороны». Затѣмъ прошли слѣдующія пьесы: «Ева», «Два подростка», «Въ новомъ Гетто», «Пережитое», «Фанатикъ», «Дѣти Ванюшина», «Судебная ошибка». Всѣ названныя пьесы были сыграны съ приличнымъ ансамблемъ, въ особенности «Дѣти Ванюшина». Изъ женскаго персонала на-

зовемъ г-жъ Мореву, Сельскую, Брагину и Кармень; изъ мужскаго—гг. Ростовскаго, Брагина, Тамарина и отчасти Горбунова. Составъ труппы въ общемъ слѣдующій: г-жи Н. И. Морева (героиня), М. В. Зимина (ing. dram.), В. А. Сельская (ing. com.), Е. П. Брагина (драм. и ком. стар.), Ф. Л. Кармень (грандъ-кок.), А. С. Серебрякова, В. А. Лидина, С. Л. Марусина (вторыя роли); гг. I. А. Ростовскій (герой-люб.), Г. Д. Брагинъ (герой-резон.), С. I. Тамаринъ (ком.), Ю. М. Ленинъ (фатъ и протактъ), Ф. Н. Горбуновъ (2-й ком.), И. И. Шароповъ, Н. И. Пашковскій (2-я роли). Режиссеръ Г. Д. Брагинъ. Помощ. режис. В. И. Тункель. Суфлеръ Лирская. Спектакли даются 2 раза въ недѣлю: Сборы пока не блестящи, но думаемъ, что труппа г-жи Сельской побѣдитъ сонливость нашей публики.

ВИННИЦА. Съ 25-го сентября у насъ играетъ труппа русско-малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ А. Н. Василенко и даетъ свои спектакли на сценѣ зимняго театра. Репертуаръ труппы разнообразный. Поставлены были: «Кайнъ и Авель» «Гейна», «Запорожецъ за Дунаемъ», «Мазепа», «Наталка Полтавка», «Цыганка Аза» и друг. Въ труппѣ выдѣлятся, г-жи Чаплицкая и Волковская, гг. Василенко, Чаплицкій и Шепелевъ. На дняхъ по инициативѣ уѣзд. исправ. М. Е. Котляревскаго данъ былъ безплатный спектакль въ пользу винницкаго вольнаго пожарнаго общества.

С. Д.

РЕПЕРТУАРЪ

С.-Петербург. Императорскихъ театровъ.

Въ Александринскомъ театрѣ. 11-го ноября: «Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій».—12-го: «Да здравствуетъ жизнь».—13-го: «Комета».—14-го: Утромъ: Гимнъ «Боже Царя храни!» «Ревизоръ».—Вечеромъ: Гимнъ «Боже Царя храни!» «Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій».—15-го: Въ первый разъ по возобновленіи: «Чайка», ком. А. Чехова.—17-го Утромъ: «Новое дѣло». Вечеромъ: «Ипполитъ».

Въ Михайловскомъ театрѣ. 11-го ноября: «Послѣдняя жертва». 12-го «De i h. à 3 h.», «La petite amie».—13-го: «Свадьба Кречинскаго».—14-го Утромъ: Гимнъ «Боже Царя храни!» «Les femmes savantes», de Molière. Вечеромъ: Гимнъ «Боже Царя храни!» «De i h. à 5 h.», «La petite amie».—15-го: «Джентльмэнъ».—16-го: «Loute».—17-го: «Loute».

Въ Маринскомъ театрѣ. 11-го ноября: «Пиковая дама». Участвующие: г-жи Кува, Слатина, Фриде, Марковичъ, Тугаринова; гг. Давыдовъ, Тартаковъ, Смирновъ. (6-е предствленіе 1-го абонементу).—12-го: «Кармень».—13-го: «Юаннъ Лейденскій».—14-го Утромъ: Гимнъ «Боже Царя храни!» «Жанотта».—Вечеромъ: Гимнъ «Боже Царя храни!» «Сервилія».—15-го: «Гугеноты».—17-го Утромъ: «Евгеній Онѣгинъ».—Вечеромъ: «Эсмеральда» бал.

Редакторъ А. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимоеева (Холмская).

О ВЪ Я В Л Е Н І Я

РУССКАЯ ОПЕРА.

Большой Залъ Консерваторіи.

Въ Воскресенье, 10-го ноября, въ 8 час. веч. въѣ абонементу „**НЕРОНЪ**“.—Въ Понедѣльникъ, 11-го въ 8 час. веч. 5-й спект. перваго абонементу „**ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ**“.—Во Вторникъ, 12-го въ 8 час. в., въѣ абонементу „**ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ**“.

Цѣны мѣстамъ общедоступныя отъ 35 к. Сбереженіе верхняго платья бесплатно. Билеты въ кассѣ дирекціи (В. Морская, 13) ежедневно съ 10 ч. утра до 5 час. дня и на вечерній спектакль въ кассѣ театра съ 7 час. веч.

Для ослабѣвшихъ, одержимыхъ кашлемъ мальць-экстрактъ и леденцы фабрики

5631 „**ДЕЛИВА**“ 10—2

въ Варшавѣ, ул. Згода, № 5, существуетъ съ 1884 г.

Продаются въ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ. Остерегаться поддѣлокъ.

ДАМСКІЯ ШЛЯПЫ

лучшихъ домовъ Парижа

Мме ВЕЛЛИНЪ.

ПРИЕМЪ ЗАКАЗОВЪ.

Владимірскій просп., д. № 3,
кв. 10.

5613

52—7

Изданія журнала

„ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО“.

Литографированныя:

„Флорія Госка“ др. въ д. Сарду, пер. Латернера (осталось незначительное количество экземпляровъ), ц. 2 р.

„Хлѣба и зрѣлищъ“ (сытые и голодные), др. въ 5 д. Соболевскаго-Самарина (по роману А. Михайлова), ц. 2 р.

„Благодѣтели чловѣчества“, др. въ 3 д. др. Филиппи, пер. П. П. Нембродова, ц. 2 р.

Казанская Городская Управа

приглашает лицъ, желающихъ арендовать Казанскій городской театръ на новый съ 15 Юля 1903 года срокъ сдать ей письменныя заявленія объ этомъ не поздне 1-го Января 1903 года. Отъ арендатора требуется хорошая постановка, по полусезонно, драматическихъ и оперныхъ представлений.

Было бы желательнo, чтобы для выясненія подробныхъ условий антрепризы лица, желающія арендовать театръ, прибыли въ Казань.

5626

4—3

КОСМЕТИЧЕСКІЕ СПЕРМАЦЕТОВЫЕ ЛИЧНЫЕ УТИРАЛЬНИКИ

приготовлены въ Лабораторіи А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою, вѣжкою и приятно освѣжаеть. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено влиянію солнца, пыли и вѣтра.

Особенную важность имѣютъ они для гг. артистовъ и для лицъ, употребляющихъ гримировку, бѣлила, румяна и проч.

Цѣна 60 коп. за пачку, съ пересылкою не мене 2-хъ пачекъ 2 руб.

Завѣдующіе Лабораторію Докторъ В. Н. Панченко и А. Н. Энглундъ.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на подписи А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи, которыя имѣются на всѣхъ препаратахъ. Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ, косметическихъ и парфюмерныхъ складахъ Россійской Имперіи. Главныя агентства и склады фирмы для Европы: Эмиль Беръ, Гамбургъ; для Южной и Сѣверной Америки: Л. Мишнеръ, Нью-Йоркъ. Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ. С.-Петербургъ. Бассейная улица, № 27.

Репертуаръ театровъ СПБ. Гор. Попеч. о нар. трезвости.

Народный домъ Императора Николая II.

Въ Воскресенье, 10-го Ноября: днемъ въ 1 час.: „ДЕМОНЪ“, опера въ 4 дѣйств. муз. Рубинштейна.—Вечеромъ, въ 8 час.: „МЪЩАНИНЪ ВО ДВОРЯНСТВѢ“, ком. въ 3 дѣйствіяхъ, соч. Мольера.—Въ Понедѣльникъ, 11-го: въ первый разъ по возобновленіи: „РАЗРЫВЪ ТРАВА“, фантастическая сказка въ 5 дѣйств. 7 карт. соч. Е. Гославскаго.—Во Вторникъ, 12-го: въ 8-ой разъ: „1812 годъ—ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА“, больш. обстановочн. пьеса въ 5 дѣйств., 9-ти карт., соч. В. Крылова. Вся новая обстановка. Участвуютъ болѣе 300 человекъ.—Въ Среду, 13-го: въ 9-й разъ: „1812 годъ—ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА“, пьеса въ 5-ти дѣйств., 9-ти карт., соч. В. Крылова.—Въ Четвергъ, 14-го: оперный спектакль: Гимнъ: „БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ“, „ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ“ оп. въ 4 дѣйств., муз. Глинки.—Въ Пятницу, 15-го: въ 10-й разъ: „1812 годъ—ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА“, пьеса въ 5 дѣйств., 9-ти карт., соч. В. Крылова.—Въ Субботу, 16-го: музыки и увеселеній не будетъ.

Готовятся къ постановкѣ опера Чайковского: „ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА“ и больш. историч. пьеса „СЕВАСТОПОЛЬ“ (Мать сыра земля).

ТЕАТРЪ ОБЩЕДОСТУПНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ

(б. Стекланный зав.).

Въ Воскресенье, 10-го Ноября: въ первый разъ: „СЛѢНОЙ И ГОРБАТЫЙ“ драма въ 5 дѣйств., переводъ съ франц. Салова и Родионова.—Въ Четвергъ 14-го Ноября: Гимнъ: „БОЖЕ ЦАРЯ ХРАНИ“, „СУДБА ГЕНІЯ“, др. въ 5 д. перев. А. Плещеева. Вр. завѣд. театр. частью режис. А. Я. Алексѣевъ.

ПЬЕСЫ ДЛЯ БЕНЕФИСА.

ПОТОПЪ (Панъ Володыевскій). Два романа Ген. Сенкевича въ 7 дѣйств. 9 к. Роскошная афиша для юго-зап. края.

ОСНЕМЪ И МЕЧЕМЪ изъ романа Ген. Сенкевича драма въ 5 д.

(Благодаря роли героевъ, резон., ingénue, ком.-рез. въ обѣихъ пьесахъ).

Адм. Гродно. Городской театр. Автору С. А. Трефилову Ц. пис. экзем. 4 руб. цензур. 6 р. (Готовится къ печати). Прошу заблаговременно треб., имѣю массу заказ.

№ 5633.

1—1.

ВЫШЛА НОВАЯ ПЬЕСА

изъ еврейскаго быта Е. Н. Ильинской.

„ГРЯДУЩІЙ РАЗСВѢТЪ“.

Сюжетъ заимствованъ изъ изв. ром. Э. Оржешко

„Мейръ Езофовичъ“.

Кар.—1) Забытый кладъ.—2) Къ свѣту.—3) Прерванное обрученіе.

4) Проклятье въ синагогѣ.—5) Черезъ кровь и слезы. Цѣна 2 р.

Продается въ конторѣ журнала „Театръ и Искусство“.

5632

4—1

Новости для фортепiano М. БАЛАКИРЕВА.

Колыбельная пѣсня — 75 к.
Каприччио (только что вышло) . . . 1 р. 50 к.
Думка . . . — 75 к.
Гондольера . . . — 75 к.
5-я Маурка . . . 1 р. —
Испан. мелод. (только что вышло) . 1 р. —
2-ой Ноктюрвъ . . . — 75 к.
3-й Ноктюрвъ (только что вышло) 1 р. —
Reminiscences de Pop. „La vie pour le tzar“ par Glinka 1 р. 50 к.
Испан. серен. на темы Глинки (только что вышло) . 1 р. —

2 е Скерцо 1 р. —
3 е Скерцо 1 р. —
Тарантелла 1 р. —
Токката (только что вышло) 1 р. —
Valse di Bravoura (à d'Albert) 1 р. 25 к.
4-й Концертный вальсъ (только что вышло) 1 р. 25 к.
Valse Impromptu 1 р. 25 к.
Valse mélancolique — 75 к.

2 Valse Caprices par A. Tanejew transcr. 1 As-dur. 1 р. —
2 Desdur 1 р. —
Симфонія С-dur app. д. ф. въ 4 руки С. Лянунова 4 р. —
Увѣдина, Увертюра Львова въ 4 руки 1 р. 50 к.

Кромѣ того всѣ пьесы изъ репертуара Юс. Гофмана, д'Альбера, Грюнфельда, Розенталя и др.

Пьесы д. форт. въ 4 руки въ самомъ большемъ выборѣ и въ самыхъ дешевыхъ изданіяхъ

рекомендуетъ

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Вл Морская, № 34.
Москва, Кузн. мостъ, д. Захарьина.
Высылка наложен. платежомъ.

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ ПАРИЖА

брюшной
корсетъ
„ГИГИЯ“.

Скрадывая своимъ нормальнымъ покроємъ полноту, онъ въ то же время радикально уничтожаетъ всякое къ ней расположеніе. Придаетъ естественную грацію, элегантность и совершенно не стѣсняетъ свободу движения.

С.-Петербургъ,
Надеждинск. ул.,
д. 3, кв. 1.

5621

24—3

Телефонъ № 511.

Складъ издѣлій

К^о Траммофонъ

С.-Петербургъ, Пассаждъ, 32-34.

Адресъ для телеграммъ: „Фокосъ“.

ГРАММОФОНЫ всѣхъ существующихъ
въ мѣрѣ моделей
новѣйшей конструкціи

ПО ФАБРИЧНЫМЪ ЦѢНАМЪ.

ПЛАСТИНКИ исключительно
высшаго качества.

Каждый купившій хотя-бы
одну пластинку получаетъ

ПАКЕТЪ ИГОЛОКЪ
БЕЗПЛАТНО.

Наложнымъ
платежемъ товаръ
высылается не
иначе какъ по
полученіи 25%
стоимости заказа.

**Пассаждъ,
№№ 32-34.**

ОБМѢНЪ старыхъ и испорченныхъ пьесъ на
новыя безшумныя пластинки, какъ
равно и обмѣнъ прежнихъ граммофоновъ на усовер-
шенствованные новые типы производится Складомъ
на особенно льготныхъ началахъ.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА
для Петербургскихъ покупателей.

УПАКОВКА и ПЕРЕСЫЛКА аппаратовъ въ
Европейской Россіи производится за счетъ
склада. При пересылкѣ въ Сибирь и друг.
отдаленныя мѣстности Россіи Складъ принима-
етъ на себя половину стоимости фрахта.

Списки пьесъ и иллюстрированныя каталоги
выдаются и высылаются **бесплатно.**

Письма и посылки просятъ адресовать на имя
завѣдующаго Складомъ дроф. И. П. РАПГОФЪ.

До свѣдѣнія гг. антрепренеровъ и директоровъ театровъ.

Обращаемъ вниманіе на новый типъ Монархъ-Гранда, специально принаровленный для концертныхъ цѣлей и участія въ дивертисментахъ и автрактахъ. Такъ какъ въ числѣ артистовъ, участвовавшихъ для граммофона, имѣются такія имена какъ чета Фигнеръ, Собиновъ, Шаляпинъ, Сѣверскій и Вяльцева, а также и иностранныя знаменитости, какъ теноръ Карусо, баритонъ Плансонъ, меццо-сопрано Кальве и Брюно, то подобныя дивертисменты на столь усовершенствованныхъ аппаратахъ пріобрѣтутъ значительный интересъ чисто художественнаго свойства и съ большимъ успѣхомъ могутъ замѣнить артистовъ. Что же касается оркестровой музыки, то въ настоящее время записано около 200 новыхъ оркестровыхъ номеровъ въ исполненіи придворнаго хора, оркестра Кюнаго полка подъ управленіемъ г. Ружека, оркестра Республиканской Гвардіи (въ Парижѣ), Лондонскаго Городскаго оркестра и Миланскаго опернаго оркестра. Прежде немногочисленное количество участвовавшихъ въ подобныхъ оркестрахъ музыкантовъ, въ настоящее время доведено до полного состава музыкантовъ, почему получается полная иллюзія настоящей оркестровой музыки.

Попечительства о народной трезвости, разныя народныя аудиторіи и городскіе театры въ настоящее время уже примѣняютъ граммофонъ для вышеозначенной цѣли и, какъ извѣстно, съ большимъ успѣхомъ.

С.-Петербургъ, Пассаждъ, № 32-34.

Разрѣшено С.И.Е. Столичнымъ Врачебнымъ Управленіемъ на общихъ основаніяхъ о торговлѣ, какъ не содержащее въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ.

Мозольная жидкость ГОЛЛЕНДЕРА.

Самыя застарѣлыя мозоли быстро и бесслѣдно излѣчиваются при употребленіи мозольной жидкости Голлендеръ, безъ малѣйшей боли. ЦѢНА флак. 35 к., 2 флак. высылаются почтою за 1 р. изъ Лабораторіи І. ГОЛЛЕНДЕРЪ: С.-Петербургъ, Развѣзжая ул., 13. ПРОДАЖА ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ И АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ ИМПЕРІИ.

КАРАМЕЛЬ

изъ травъ отъ кашля

„КЕТТИ БОССЪ“

В. Сомадени, въ Кіевѣ.

Главн. складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ. С.-Петербургъ, Гороховая 33.
Цѣна металл. кор. 25к. Мал. кор. 15 к.

Продается всадъ.

5611 13-4

Театръ-концертъ „АЛЬКАЗАРЪ“.

Фонтанка, 13. ☎ Телефонъ № 1968.

Е Ж Е Д Н Е В Н О

Дебютъ франц. шан. пѣв. м-лле Делидъ и м-лле Гугетъ, парижской звѣзды м-лле Гумберъ, Les Cosmopolites BOVLOS любимцы спб. публики, Этта Аннетъ, Гедли Верже, трио Вексфи, м-лле Монсиглиано, Лили, Грильянъ, г-жи Никитиной, трио Элли, Валери, м-лле Алдримонтъ, м-лле Ренке, м-лле Бизе, м-лле Оливетъ, изв. куп. г. Войцеховскаго, г-жи Мальцовой, м-лле Вене, г. Александра, квартетъ Калай, „Сафо“, хоръ г-жи Болнокиной, малорус. труппа г-жи Яковлевой, оркестръ г. Штейнбрехера.

Бр-ья А. и Л. ЛЕЙФЕРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1) КАРАВАННАЯ, 18
(подъездъ съ Итальянской).
Телефонъ № 5528.

2) Петербургская сторона
ОРАНИЕНБАУМСКАЯ, 21. соб. домъ.
Телефонъ № 4399.

ПРОИЗВОДСТВО

КОСТЮМОВЪ стильныхъ и фантастическихъ, ОБУВИ стильной, ГОЛОВНЫХЪ уборовъ всѣхъ эпохъ, ЗАВѢСЪ переднихъ и антрактныхъ, декораций (архитектура и пейзажъ) для театровъ и домашнихъ сценъ, МЕБЕЛИ театральной, вооруженія всѣхъ эпохъ, аксессуаровъ металлическихъ и изъ папье-манше, ПОДМОСТКИ, полное оборудованіе сцены.

По требованію высылается ПРЕЙСЪ-КУРАНТЬ бесплатно.

Приглашаются АГЕНТЫ для сношеній съ провинціей.

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, 34.
Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.
Главный представитель знаменитой фабрики

Поставщика ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

5618

Blüthner

Рояли БЛЮТНЕРА

отличаются техническимъ и художественнымъ совершенствомъ и замѣчательной красотой тона. 900, 950, 1000, 1150 и 1300 р.

Піанино БЛЮТНЕРА удостоены на Всемирныхъ выставкахъ отдѣльными высшими наградами, стоятъ въ своемъ родѣ наравнѣ съ признанными наилучшими его роялями 600, 700 и 800 р., другихъ хорошихъ фабрикъ 375, 425, 475 р.

ЛАНДАНОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

(Дирекція А. И. Иванова и В. А. Казанскаго).

Русская комическая опера и оперетка.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ.

11-го ноября бенефисъ М. Н. ВОРОНЦОВОЙ-ЛЕННИ. Въ 1 разъ: „ЭТУАЛИ“, опер. въ 3 дѣйств. и 5 картин.

Главный режиссеръ А. Э. Блюменталь-Тамаринъ.

Главный капельмейстеръ Э. Ф. Энгель.

Начало спектаклей въ 8 ч.

*

Касса открыта съ 10 ч. утра.

№ 4711

Оде-ли

Eau de Lys

БЛАГО, РОЗОВАГО И ЖЕЛТАГО ЦВѢТОВЪ;
всѣми признанное превосходное туалетное средство для мытья лица, для сохраненія свѣжести молодости и для устраненія веснушекъ и всѣхъ нечистотъ лица.

Ферд. Мюльгенсъ
КЕЛЬНЪ на РЕЙНЪ и РИГА.

Поставщикъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСК. ВЕЛИЧЕСТ.

5602

6-2